

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences**

**ДЕВЯТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ-ШКОЛА
«ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ»
9TH SCHOOL-CONFERENCE “LANGUAGE ISSUES:
A YOUNG SCHOLARS’ PERSPECTIVE”**

**Москва, 28 – 29 апреля 2022 г.
Moscow, 28th – 29th April 2022**

**ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ
ABSTRACTS**

Могут ли отрицательно сформулированные фразы вызывать негативную эмоциональную оценку?

*Г.А. Андреева
ИОН РАНХиГС
Факультет психологии
Москва*

Вводная часть

Характер восприятия и оценки речи обусловлен разными факторами: текстуальными (морфология, синтаксис, лексика) и контекстуальными (время и место коммуникации, социальные роли и фоновые знания участников и др.) (по Т.А. ван Дейку). Нам же интересно, может ли отрицание, как средство выражения влиять на характер восприятия фразы?

Нужно пояснить, что под отрицаниями мы понимаем «...специализированное языковое средство для выражения идеи о том, что некоторое положение вещей не имеет места: Клюква не растет на дереве» (Е.В. Падучева, 2013, с.16). Дать более точное определение сложно, т.к. ряд авторов считают, что отрицание в языке принадлежит к числу предельных, не толкуемых понятий или является семантическим примитивом (Е.В. Падучева, 2013; А. Wierzbicka, 1996). Мы будем далее пользоваться рабочим определением отрицания, которое выделяет существенную характеристику всех отрицаний, как на уровне слова, так и на уровне предложения, заключающуюся в том, что отрицание выражает идею отмены какого-то положения вещей.

При этом важно понимать, что отрицание может быть синтаксической конструкцией и тогда область нашего исследования связана с семантикой синтаксиса. Но не всегда отрицания связаны с синтаксисом, бывают и внутрисловные отрицания (они же имплицитные отрицания) выражающиеся в словах с семантикой отмены: бросить, перестать, отказать и т.п. (Е.В. Падучева, 2013). Отрицания можно наблюдать и на уровне морфологии, в словах, которые образованы с помощью добавления отрицательной приставки: беззаботный, неуловимый. Поэтому корректнее говорить об отрицании как о языковом средстве выражения.

Тогда исследовательский вопрос можно сформулировать следующим образом, учитывая две стороны коммуникации: (1) Если говорящий имеет негативную эмоциональную оценку того предмета, о котором он говорит, то может ли эта оценка выражаться в употреблении отрицательных высказываний? (2) И, соответственно, передаётся ли эта негативная оценка слушателю посредством отрицательных оборотов?

Работа носит поисковый характер. Причем на данном этапе невозможно сформулировать вопрос точнее, т.к. у нас нет для этого никаких оснований, именно планируемые исследования позволят уточнить характер и тип отрицательных фраз, которые могут вызывать негативную оценку.

В представленном здесь исследовании мы пытались выяснить, может ли отрицательная форма фразы вызывать негативную эмоциональную оценку этой фразы.

Чтобы обосновать правомерность выдвижения и проверки такой гипотезы был проведен анализ имеющихся исследований, которые могут прямо или косвенно указывать на искомую нами связь. В частности, есть исследования, показывающие, что отрицательная формулировка вызывает негативную оценку объекта речи, даже если явный смысл фразы несет позитивное значение – «П. не преступник» (Wegner, Daniel & Wenzlaff, Richard & Kerker, R. & Beattie, Ann, 1981).

Ряд других исследований показывает, что отрицательные фразы способны актуализировать логически противоположные значения или, проще говоря, значения

связанные с основанием отрицаемого признака или явления. Например, фразы со словом *неаккуратный* актуализируют значения связанные с аккуратностью (опрятный, ровно), что было доказано на коротких фразах в 1-2 слова (Deutsch, R., Gawronski, B., & Strack, F. 2006) и на более длинных фразах (Mayo, Ruth & Schul, Yaacov & Burnstein, Eugene 2004). В этом случае можно ожидать актуализации негативных смыслов в ответ на отрицательно сформулированные фразы, где отрицание присоединяется к негативному по эмоциональной окраске основанию (бесстрашный, невиновный и т.п.)

Есть отечественные исследования, где авторы прямо указывают на эмоциональную негативную коннотацию отрицаний (А.В. Белобородова, 2010; И.В. Убушаева, 2008), это негативная коннотация логически выводится из коммуникативных ситуаций, в которых отрицания являются почти облигаторными: запрет, отказ, отвержение, несогласие, возражение, опровержение, недовольство. Эти ситуации довольно очевидным образом сопряжены с негативными эмоциями и негативной оценкой.

Есть и другие любопытные исследования на эту тему, описание которых в данном формате уже будет чрезмерным (Желеско П.С., Роговин М.С., 1985; Wason, P.C., Jones, S., 1963).

Исследовательские процедуры

Для проверки гипотезы о том, что отрицательная формулировка вызывает негативную эмоциональную оценку, было проведено 2 эксперимента.

В обоих экспериментах стимульный материал был представлен парами синонимичных словосочетаний (всего 17 пар), которые были позитивными или нейтральными по своей эмоциональной окраске (словосочетания в Приложении). Некоторые из этих словосочетаний являются довольно далекими синонимами, например, любопытная идея и нетривиальная идея, четкая позиция и бескомпромиссная позиция, но их всё равно было решено оставить, т.к. планировался количественный анализ результатов, и мы посчитали, что увеличение числа словосочетаний важнее при таком анализе, чем точность синонимии.

В первом эксперименте были использованы еще и дополнительные эмоционально окрашенные словосочетания трех групп: 13 нейтральных словосочетаний (рабочий стол, хлопковая ткань, постоянная величина, косметический ремонт и др.), 13 позитивных словосочетаний (радостный день, вкусный торт, веселая компания, надежный друг и др.) и 13 негативных словосочетаний (дурная слава, смертельное ранение, злобный человек, унижительная просьба, тяжелая депрессия и др.). О том, как использовались эти эмоционально окрашенные словосочетания будет сказано ниже.

В первом эксперименте испытуемым (n=38) нужно было соотнести каждое словосочетание с одним из 8 цветов - метод ЦТО (цветовой тест отношений А.М. Эткинда). Суть данного метода заключается в том, что мы получаем опосредованную оценку словосочетаний через оценку цвета. В конце процедуры испытуемых просили ранжировать цвета по степени их субъективной приятности для каждого конкретного испытуемого. Если испытуемый поставил на первое место, например, красный цвет, т.е. оценил его как наиболее приятный для себя, то и словосочетания, отмеченные этим цветом, являются более приятными для этого испытуемого, по сравнению со словосочетанием, отмеченным цветом с большим рангом. Чем меньше ранг цвета, тем выше и позитивнее субъективная оценка словосочетания. Это анализ оценок по рангам.

Но статистический анализ данных по рангам не показал значимых различий в оценке отрицательных и утвердительных словосочетаний.

Неудачу в анализе по рангам можно объяснить тем, что испытуемые не следовали инструкции, о чем они нередко сообщали в беседе после исследования. Они рассказывали, что приписывали цвет не по субъективным впечатлениям, как это предлагалось в инструкции, а на основании собственных «знаний» о значении цветов:

«Мне не нравится синий, но я знаю, что это цвет спокойствия и гармонии, поэтому отмечал им позитивные словосочетания». Особенно путаница с ранговой оценкой проявлялась на черном цвете - практически все испытуемые использовали черный цвет для крайне негативных словосочетаний (тяжелая депрессия, жестокие родители и т.п.), но при ранжировании цветов могли поставить черный цвет на первые позиции, из чего следует, что, либо испытуемые позитивно относились к явно негативным явлениям, либо сам метод оценки по рангам работает некорректно.

Можно проанализировать и сравнить оценки ЦТО не по рангам, а по методу субъективной семантики, когда характер цвета задается семантикой слов, которые были отмечены конкретным цветом, именно для этого были использованы словосочетания трех групп: позитивные, негативные, нейтральные. Например, один испытуемый может отмечать красным цветом только позитивные словосочетания (радостный день, вкусный торт), и тогда словосочетания из экспериментальной группы, помеченные этим цветом, тоже будут считаться позитивными для этого конкретного испытуемого.

Анализ результатов по методу субъективной семантики показывает значимость различий в оценке утвердительных и отрицательных словосочетаний. Но проблема в том, что такой способ анализа не является общепринятым и критикуется частью исследователей (в том числе научным руководителем данного исследования). Аргументы оппонентов данного метода заключаются в том, что испытуемые отмечают одним цветом словосочетания не на основании задуманного нами эмотивного характера словосочетаний, а на основании каких-то иных, не известных нам критериев.

Во втором эксперименте испытуемые ($n=39$) субъективно приписывали каждое словосочетание человеку в плохом или в хорошем настроении (метод на основе атрибуции оценки). Испытуемых просили представить человека, который произносит то или иное словосочетание и определить, в каком настроении мог бы быть этот человек (в хорошем или плохом настроении).

Статистическая обработка по этому эксперименту показала высоко значимые различия – по мнению испытуемых, отрицательные словосочетания значимо чаще могли бы быть произнесены человеком в плохом настроении ($p \leq 0,001$).

Выводы

В двух описанных эмпирических исследованиях предпринималась попытка проверить, может ли отрицательная формулировка фразы вызывать негативную оценку независимо от явной семантики слов и даже вопреки ей.

Результаты двух исследований оказались противоречивыми – исследование с ЦТО не показало разницы в оценках, тогда как эксперимент с атрибутивной оценкой показал значимую разницу.

Но каким образом отрицательные обороты могут вызывать негативную эмоциональную оценку? Опираясь на обзор исследований можно предположить, что эта связь обусловлена теми коммуникативными ситуациями, в которых отрицание часто является неотъемлемой речевой формой: запрет, отказ, отвержение. Переживая эти ситуации в детстве, ребенок мог запечатлеть эту связь и уже дальше имплицитно использовать ее в собственной речи и для понимания чужой.

Но такое объяснение кажется недостаточным, и для осмысления механизма связи отрицательных конструкций и негативной эмоциональной оценки необходимо углубляться в психологические теории значения. А также, вероятно, необходимо дифференцировать различные типы отрицательных конструкций и слов, которые, в свою очередь, могут подчиняться разным механизмам. Прояснить эти психолингвистические механизмы отрицательных конструкций позволят дальнейшие эксперименты на продуцирование текстов.

Дальнейшие исследования

Сейчас собран материал коротких рассказов испытуемых в ответ на разные по эмоциональному характеру стимулы (картины, воспоминания).

Сравнение отрицательных высказываний в этих рассказах позволит судить о том, может ли негативная эмоциональная оценка стимула актуализировать отрицательную форму референта. Пилотный вариант говорит о высокой значимости различий.

Нам также важно раскрыть механизмы связи негативной оценки и отрицательной формулировки.

Литература

Белобородова А.В. Средства выражения отрицания и негативной коннотации во фразеологизмах со значением безразличия в русском и английском языках // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. №1.

Желеско П.С., Роговин М.С. Исследования отрицания в практической и познавательной деятельности, изд. «Штиинца», Кишинев, 1985г.

Кашкина О.В. Я-концепт сквозь призму самооценочных высказываний // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004.

Падучева Е.В. Русское отрицательное предложение.- М.: Языки славянской культуры, 2013. – 304 с.

Убушаева Ирина Владимировна Прагматика отрицательных высказываний в английском и русском языках // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2008. №4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmatika-otritsatelnyh-vyskazyvaniy-v-angliyskom-i-russkom-yazykah> (дата обращения: 10.03.2022).

Wason, P.C., Jones, S. Negatives: denotation and connotation // British Journal of Psychology. 1963. Vol. 54. No 11. P. 299-307.

Wegner, Daniel & Wenzlaff, Richard & Kerker, R. & Beattie, Ann. (1981). Incrimination through innuendo: Can media questions become public answers?. Journal of Personality and Social Psychology. 40. 822-832. 10.1037/0022-3514.40.5.822.

Deutsch, R., Gawronski, B., & Strack, F. 2006. At the boundaries of automaticity: Negation as reflective operation. Journal of Personality and Social Psychology, 91, 385–405

Mayo, Ruth & Schul, Yaacov & Burnstein, Eugene. (2004). “I am not guilty” vs “I am innocent”: Successful negation may depend on the schema used for its encoding. Journal of Experimental Social Psychology. 40. 433-449. 10.1016/j.jesp.2003.07.008.

Herbert, Cornelia & Deutsch, Roland & Sütterlin, Stefan & Kübler, Andrea & Pauli, Paul. (2011). Negation as a means for emotion regulation? Startle reflex modulation during processing of negated emotional words. Cognitive, affective & behavioral neuroscience. 11. 199-206. 10.3758/s13415-011-0026-1.

Приложение

Экспериментальные пары словосочетаний

№ пары	Утвердительное словосочетание	Отрицательное словосочетание
1	Точный результат	Несомненный результат
2	Гениальная музыка	Бессмертная музыка
3	Любопытная идея	Нетривиальная идея
4	Точный бросок	Беспроектный бросок
5	Четкая позиция	Бескомпромиссная позиция
6	Удивительный пейзаж	Необычный пейзаж
7	Заинтересованный зритель	Неравнодушный зритель
8	Абсолютная правда	Несомненная правда
9	Честный суд	Беспристрастный суд
10	Объективный ум	Непредвзятый ум
11	Выдающийся талант	Незаурядный талант

12	Абсолютное счастье	Безусловное счастье
13	Чистое чувство	Незамутненное чувство
14	Прекрасное впечатление	Неизгладимое впечатление
15	Полная уверенность	Непоколебимая уверенность
16	Совершенная красота	Неотразимая красота
17	Удивительный опыт	Невероятный опыт

Neuroanatomical Correlates of Connected Speech Deficit in Patients with Brain Tumors¹

*Antonova Natalia,
Center for Language and Brain*

Introduction

Several voxel-wise lesion–symptom mapping (VLSM) studies have revealed important insights into the association between damaged brain areas and language impairment. Much uncertainty still exists about the neuroanatomical correlates of connected speech. The aim of the present study is to conduct VLSM to identify voxels that carry an association with different characteristics of connected speech in patients with brain tumors.

Method

We tested 57 patients ($M_{age} = 49.07$, $SD = 15.5$; 29 women) who were submitted to a surgical removal of tumors in the left hemisphere before and after the surgery. For discourse elicitation we used picture-elicited narratives, personal stories, procedural discourse tasks. Additionally, the patients were assessed with the Russian Aphasia Test (RAT) to assess general speech competence of patients. All patients underwent structural MRI after surgery. Resection cavities were reconstructed for 55 patients and was used as input to the group-level VLSM. For patients who had not undergone MRI in the postoperative period, the lesion was reconstructed based on preoperative MRI scans.

Results

Discourse elicitation tasks: The VLSM p-map for postoperative decrease in the speech rate in the personal storytelling revealed association with resection of the supplementary motor cortex (SMA) and the underlying frontal aslant tract (FAT) ($p < 0.001$). Resection of the inferior longitudinal fasciculus (ILF) correlates with a lower number of significant parts of speech in instructions in the postoperative period ($p < 0.005$). *RAT:* The VLSM p-map for decrease in the general indicators of speech production after the surgery revealed association with the resection of the cluster, including the posterior part of the middle and inferior temporal gyrus, the fusiform gyrus, and the posterior segment of the arcuate fasciculus (AF) ($p < 0.01$).

Discussion

We found an association between the postoperative decrease in the speech rate in the personal storytelling and the resection of the SMA and the underlying FAT on the left. This result is fully consistent with modern concepts of the regulation of speech fluency by these parts of the brain. We also found that resection of the ILF correlates with a lower number of significant parts of speech in instructions in the acute postoperative period. Also, decrease in the general indicators of speech production immediately after the operation (according to the

---

¹ The study was funded by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00-399.

RAT data) was associated with the resection of the cluster, including the posterior part of the middle and inferior temporal gyrus, the fusiform gyrus, and the posterior segment of the arcuate fasciculus of the left hemisphere. This is an interesting new finding, since impaired speech production is usually associated with damage to the frontal regions of the brain. Our results confirm the network character of the speech function and the significant involvement of the posterior cerebral parts of the left hemisphere in it.

References

- Borovsky, A., Saygin, A. P., Bates, E., & Dronkers, N. (2007). Lesion correlates of conversational speech production deficits. *Neuropsychologia*, 45(11), 2525-2533.
- Dragoy, O., Zyryanov, A., Bronov, O., Gordeyeva, E., Gronskaaya, N., Kryuchkova, O., ... & Zuev, A. (2020). Functional linguistic specificity of the left frontal aslant tract for spontaneous speech fluency: Evidence from intraoperative language mapping. *Brain and Language*, 208, 104836.
- Ivanova, M., Yulia, A., Soloukhina, O., Iskra, E., Buivolova, O., Chrabaszcz, A., Dragoy, O. (2021, May 24). The Russian Aphasia Test: The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian.

Особенности употребления форм конъюнктива аориста и презенса при выражении будущего времени в древнеармянском языке

*Аракелян И. А.
Санкт-Петербургский Государственный Университет*

В древнеармянском языке отсутствует специальный показатель для выражения значения будущего времени: часто для передачи значения будущего используются формы конъюнктива аориста и конъюнктива презенса, образующиеся от основ аориста и презенса. Помимо конъюнктива, противопоставление основ аориста и презенса участвует в выражении аспектуальной оппозиции презенса и имперфекта по отношению к аористу [3]. В докладе будет рассмотрено влияние модальных и аспектуальных параметров на выбор формы конъюнктива при выражении будущего. В частности, учитывалась аспектуальная оппозиция перфективность/имперфективность, а также различия между двумя типами футуральных значений — «предсказание» (prediction) и «намерение» (intention), первый из которых является прототипическим футуральным значением, а второй граничит с модальными значениями [1; 2].

Было проанализировано 90 употреблений форм конъюнктива в Евангелии от Матфея на древнеармянском языке. Выводы представлены в виде таблицы:

	Конъюнктив аориста		Конъюнктив презенса	
	Перфектив	Имперфектив	Перфектив	Имперфектив
«Предсказание»	42	14	17	14
«Намерение»	2	0	1	0

Таблица 1. Соотношение форм конъюнктива аориста и презенса

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- Грамматические формы распределены неравномерно: конъюнктив аориста является наиболее частотной формой при выражении значения «предсказания» (56 форм конъюнктива аориста против 31 формы конъюнктива презенса). При этом значительное число употреблений конъюнктива презенса в значении «предсказания» может говорить о том, что выбор видо-временной формы будущего зависел от дополнительных грамматических параметров.

- Строгая корреляция между перфективностью/имперфективностью и формой основы отсутствует. Так, формы конъюнктива как аориста, так и презенса, чаще употребляются в перфективных, чем в имперфективных контекстах, хотя частотность употребления конъюнктива аориста в перфективных контекстах значительно выше.

- Отклонения от строгой корреляции между типом основы и перфективностью/имперфективностью (14 случаев для конъюнктива аориста и 17 случаев для конъюнктива презенса) представляют собой особый интерес для дальнейшего исследования факторов, определяющих способ выражения будущего.

Литература

Dahl Ö. The grammar of future time reference in European languages //Empirical Approaches to Language Typology. – 2000. – Т. 6. – С. 309-328.

Dahl Ö. et al. (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. – С. 3.

Туманян Э. Г. Древнеармянский язык. – Nauka, 1971.

Armenian E-Bible: Classical Armenian-English Concordance. URL: http://www.arak29.am/bible_28E/index.htm

Non-verbal predication and copulas in Ngen

*Artemeva Polina
Higher School of Economics
School of linguistics*

The work is dedicated to the non-verbal predication and copula types of Ngen, an understudied and endangered language of the West Africa. Previous works by (Korol 2021) and (Maloletniaya 2015) are dealing with general description of Ngen grammar. The goal of this work is to describe Ngen copulas and non-verbal predication.

The data were collected by Tatiana Korol and myself by the means of questionnaires and recordings of narratives. It was checked with three native speakers. Three field trips took place: in 2020, 2021 and 2022.

Ngen is a typical Mande language in a way that it has negative copulas besides the affirmative ones. For now, I will be using the non-verbal clauses classification by (Pustet, 2003). There are four types of copulas:

1) identificational (affirmative *lè*; negative *bɔ̀*)

(1)   dò   lé
         termit   COP

This is a termit.

(2)	cìnā	bā	lò
	lie	NEG.COP	NEG

This is not a lie.

(3)	cìnā	bò-ò
	lie	NEG.COP-NEG

This is not a lie.

Examples (2) and (3) are similar in meaning *bā lò* and *bòò* are variations of the same negative phrase. *ò* or *lò* are negative particle always used in negative sentences.

2) ascriptive (affirmative *mā*; negative *bámá*)

(4)	ń	mā	kōnīākpālí
	I	COP	hunter

I am a hunter.

(5)	í	bāmā	sāwālāŋ-wó
	you.SG	NEG.COP	Ngen-NEG

You are not Ngen.

3) existential (affirmative *bé*, negative *bá*)

(6)	ń	né	bè	dò
	I	child	COP	one

I have a child.

(7)	é	bá	kpékpé-ò
	she	NEG.COP	healthy-NEG

She is not well.

4) locative (affirmative *bé*, negative *bá*)

(8)	djé-lè	bé	nò
	house-ART	COP	here

The house is here.

(9)	bā	bā	yālòó	nò-ó
	we	NEG.COP	market	here-NEG

We are not at the market.

All those types are true copulas in a way that they are semantically empty and serve as linkers between the non-verbal predicate and its argument. Copulas are usually used in Present and

Past tenses, but the tense itself is expressed through other means. Ascriptive affirmative clauses with an adjective in predicative position require no copula, while negative ones use *bà*, although sometimes native speakers do not agree on that.

In Future tense Ngen usually uses the verb *yé* 'to become':

- (10)   *í*   *yé*   *nò*
          you   become   here
          You will be here.

It is important to note that the work is still in progress, thus the author will widen the topics of the talk, such as cases of absence of auxiliaries, etc. In the final work we aim to finish the full description of copulas and their typological features.

References

- Korol, Tatiana. 2021. Phonology and elements of morphology of the Ngen language. Master's thesis. Higher School of Economics. Moscow.
- Maloletniaya, Anna. 2015. Elements of description of the Ngen language. Bachelor's thesis. Higher School of Economics. Moscow.
- Pustet, Regina. Oxford: 2003. Copulas – Universals in the Categorization of the Lexicon (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford University Press.
- Vydrine, Valentin. 2020. Non-verbal predication and copulas in three Mande languages. Journal of West African Languages, Volume 47.1

Компенсаторное продление предшествующих элементов при редукции конечного гласного в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии

*Белозерова Маргарита Сергеевна
НИУ ВШЭ, Россия, Санкт-Петербург*

Проект посвящен исследованию зависимости длительности согласного от наличия последующего гласного в прибалтийско-финских идиомах Ингерманландии ареала Нижней Луги. Исследуемые идиомы разделяются на две группы по степени редукции неначальных гласных: (1) ингерманландский финский, водский, центральный нижнелужский ижорский (более слабая редукция); (2) южный нижнелужский ижорский и сибирский смешанный ижорско-финский ингерманландский идиом (более сильная редукция) [Kuznetsova, Verkhodanova 2019]. Во второй группе представлен значительно больший процент отпадения конечного гласного (27%–55,2%), чем в первой (1,6–2,9%). В докладе рассматривается только вторая группа идиомов, для которой сравнивались длительности сегментов перед выпавшим и перед сохранившимся конечным кратким гласным. На основании данных по скольтскому саамскому [McRobbie-Utasi 1999] и эстонскому [Eek 1974; Eek, Meister 2003; Suomi et al. 2013], где аналогичная редукция наблюдается как динамический или уже завершившийся процесс, была сформулирована гипотеза о том, что при укорочении и выпадении конечного гласного ожидается компенсаторное удлинение тех или иных предшествующих ему элементов.

Были измерены и исследованы методами смешанной линейной регрессии длительности сегментов структур $C_1VV_1C_2V_2$ и $C_1V_1C_{2x}C_{2y}V_2$ у трех носителей второй группы указанных идиомов в конечной фразовой позиции. Количество проанализированных произнесений слов было распределено следующим образом: 325 произнесений у сибирской информантки (PS), 343 и 250 произнесений у двух носителей южного нижнелужского ижорского (ND и AU, соответственно). Для данной группы, где

отпадение конечного гласного — регулярное явление, гипотеза подтвердилась. Увеличение длительности C_2 перед выпавшим V_2 было статистически значимым (рис. 1). В словах $C_1V_1C_{2x}C_{2y}V_2$ при этом продлевался C_{2y} , но не C_{2x} (рис. 2).

В рассмотренной группе идиомов представлен переходный этап процесса редукции между финским и эстонским языками. В более консервативном финском наблюдается прямо пропорциональная зависимость между длительностью C_2 и долготой (сохранного) V_2 . В более инновационном эстонском, где контраст неначальных гласных по долготе утратился, представлена обратная зависимость между долготой C_2 и длительностью V_2 . Второй согласный кластера (C_{2y}) не удлинился при выпадении V_2 , а увеличилась длительность элементов первого слога, в отличие от наших данных. В идиомах Ингерманландии зависимость между длительностями C_2 и V_2 уже обратно пропорциональная, как в эстонском, но компенсаторное продление еще ограничено позицией C_2 и не распространяется на элементы первого слога.

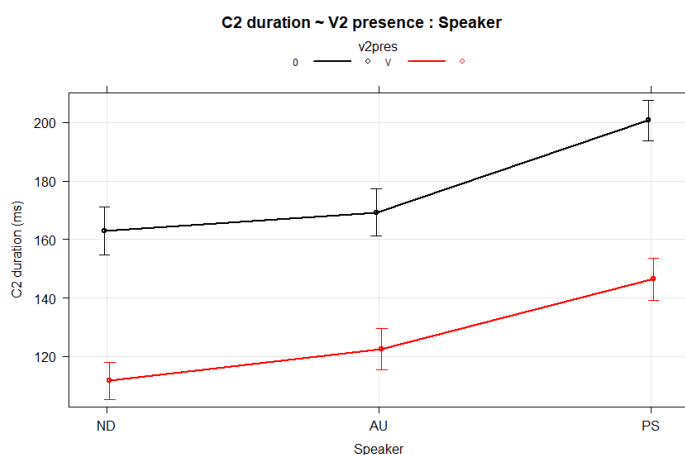

Рисунок 1. Зависимость длительности согласного, непосредственно примыкающего к V_2 (т.е. C_2 или C_{2y}) от наличия/отсутствия V_2 у информантов группы (2)

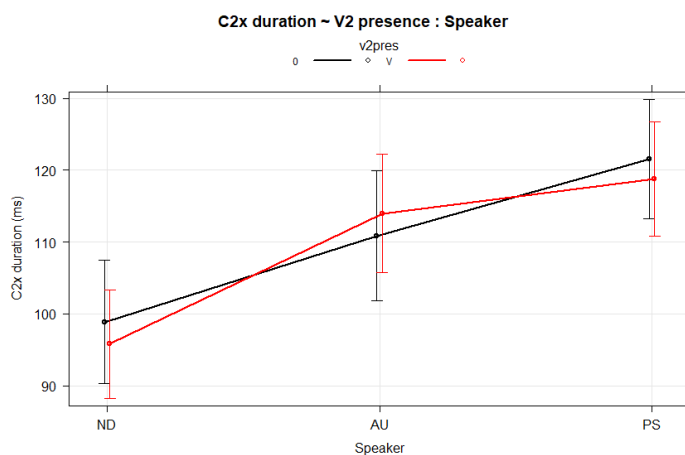

Рисунок 2. Зависимость длительности C_{2x} от наличия/отсутствия V_2 у информантов группы (2)

Условные обозначения на рисунках:

AU, ND — южный нижнелужский ижорский; PS — сибирский смешанный ижорско-финский ингерманландский; C2 duration (ms) — длительность начального согласного второго слога в мс; C2x duration (ms) — длительность первого согласного кластера на границе первого и второго слога в мс; Speaker — информант; v2pres — наличие/отсутствие V_2 ; “V” — наличие V_2 ; “0” — отсутствие V_2 .

Литература

Eek 1974 – Eek A. Observations on the duration of some word structures: I // Estonian papers in phonetics (EPP) 1974 / ed. A. Eek. Tallinn: Academy of Sciences of the Estonian SSR; Institute of Language and Literature, 1974. P. 18–32.

Eek, Meister 2003 – Eek A., Meister E. Foneetilisi katseid ja arutlusi kvantiteedi alalt (I). Häälikukestusi muutvad kontekstid ja välde // Keel ja Kirjandus. 2003. Vol. 11; 12. P. 815–837; 904–918.

Kuznetsova, Verkhodanova 2019 – Kuznetsova N., Verkhodanova V. Phonetic realisation and phonemic categorisation of the final reduced corner vowels in the Finnic languages of Ingria // *Phonetica*. 2019. Vol. 76. № 2–3. P. 201–233.

McRobbie-Utasi 1999 – McRobbie-Utasi Z. Quantity in the Skolt (Lappish) Saami language: An acoustic analysis. 1999. Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies.

Suomi et al. 2013 – Suomi K. et al. Durational patterns in Northern Estonian and Northern Finnish // *Journal of Phonetics*. 2013. Vol. 41. № 1. P. 1–16.

Gōdać или mówić: современные языковые практики этнических силезцев в Польше

*Александр Васюков
Европейский университет в Санкт-Петербурге*

Силезцы – западнославянская миноритарная этническая группа, проживающая в историческом регионе Верхняя Силезия, на юго-западе современной Польши. В польском политическом и научном дискурсе силезцы традиционно изображались в качестве этнографической группы поляков, говорящих на ряде силезских диалектов польского языка. Однако значительное число автохтонных жителей региона воспринимает себя в качестве представителей отдельного от поляков народа или этнической группы. Так, перепись 2011 г. выявила в стране 847 тыс. чел., указавших своей национальностью силезскую, из них 509 тыс. чел. заявило о владении силезским языком. Это делает силезцев самым крупным меньшинством страны, для которого характерна непольская этноязыковая идентичность. Несмотря на стремительный процесс языкового сдвига, связанного с повсеместным переходом силезцев на польский язык, сегодня в регионе развивается движение за признание силезского региональным языком в Польше. В последние годы появляется все больше исследований, посвященных изучению этнической и языковой идентичности автохтонных жителей Силезии (Д. Ерчинский², Т. Камузелла³, Й. Тамбор⁴), юридическому признанию силезского (М. Мысливец⁵) и проблемам его стандартизации (М. Щучак⁶, Б. Выдерка⁷)

Доклад представит результаты полевой антропологической работы автора последних лет в Силезском и Опольском воеводствах Польши среди носителей силезского языка. Сбор материала производится в ходе работы над кандидатской диссертацией, посвященной языковому планированию и рецепции этноязыкового активизма среди силезцев. Опираясь на методы включенного наблюдения, глубинного полуструктурированного интервью и изучения языкового ландшафта региона, автор

² Jerczynski D. Śląski ruch narodowy. Zabrze: NOS, 2006 – 295 s

³ Kamusella T. Silesian: from gwara to language after 1989 // *Rocznik Polsko-Niemiecki*, 2016. – Nr. 24(1). – s. 78-119.

⁴ Tambor J. Mowa Górnoślązaków oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice: WUŚ, 2006. – 313 s.

⁵ Myśliwiec M. Ślōnskō godka — przaśny folklor czy język regionalny? // *Przegląd Prawa Konstytucyjnego*, 2013. - Nr. 3(15). - s. 99-120.

⁶ Siuciak M. Czy w najbliższym czasie powstanie język śląski? // *Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza*, 2012. – Nr.19(39). – s. 31-44.

⁷ Wyderka B. O standaryzacji języka śląskiego // *Kwartalnik Opolski*, 2018. – Nr. 1. – s. 3-18.

представит уникальный материал, посвященный традиционным и современным языковым иерархиям в Верхней Силезии, языковому престижу силезского языка, а также повседневным языковым практикам, зафиксированным среди силезских информантов. Слушатели узнают о современных сферах и специфике употребления силезского языка, языковом выборе нескольких поколений этнических силезцев, а также реакции носителей на попытки кодификации литературной нормы силезского языка последних лет. В частности, автор покажет, в каких ситуациях информанты предпочитают говорить по-силезски (gōdać) или же по-польски (mówić).

Дискурсы о геополитическом конфликте: сопоставительный анализ (на материале публикаций о войне в Сирии в российской и французской прессе)

*Власова Екатерина
СПбГУ*

В данном исследовании предлагается методика сопоставительного анализа дискурсов на примере анализа дискурса о международном вооруженном конфликте в Сирии, представленном в российской и французской прессе. Предложенная методика сравнительного анализа основывается на анализе структуры лексико-семантических полей (далее ЛСП), составляющих дискурс, и позволяет добиться технологичности и большей объективности результатов.

Лексические единицы, входящие в состав дискурса, реализуют определенное значение, свойственное им в данном дискурсе. [Ван Дейк] Значение лексической единицы доопределяется связями, которые она образует с другими элементами в дискурсе.

Для выявления семантики лексических единиц в дискурсе предлагается методика моделирования ЛСП, позволяющая представить дискурс как целостный, системный объект. [Щур]

Для моделирования ЛСП предлагается использовать методы количественного анализа текста. С помощью меры TF-IDF выделяются опорные слова в корпусе, на основе которых моделируется структура ЛСП. Анализ совместной встречаемости слов позволяет установить отношения между лексемами в рамках предложенного корпуса с учетом индекса ассоциаций. На основе этих отношений становится возможным моделирование ЛСП и микрополей, входящих в его состав. Таким образом, данная методика позволяет смоделировать поле значений для каждого дискурса.

В результате моделирования ЛСП на русском и французском языках становится очевидно, что в структуре полей есть существенные различия в том числе на уровне лексических единиц, имеющих формальное словарное соответствие. Например, лексико-семантическое поле для лексемы «гуманитарный» в дискурсе на русском языке имеет связь с лексемой «помощь». При этом лексема «humanitaire» в дискурсе на французском языке имеет высокий коэффициент совместной встречаемости со словом «catastrophe».

Результаты сравнительного анализа подтвердили гипотезу исследования о том, что структуры одноименных ЛСП в двух корпусах текстов имеют существенные отличия, обусловленные разными идеологическими подходами к теме сирийского конфликта в России и Франции. Различия на уровне используемых лексем и их сочетаемости указывает на различия на уровне семантики дискурса.

Литература

Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. – М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Щур Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 2007.

Особенности формы множественного числа абстрактных существительных: на материале базы данных с рейтингами абстрактности

Вольская Юлия Александровна

Казанский федеральный университет, Россия, Казань

В данной работе на материале созданной базы данных существительных (далее – АС) с рейтингами абстрактности/конкретности [Solovyev 2019], [Volskaya 2020] описывается одно из проведенных исследований вопроса о возможности употребления АС в форме множественного числа (далее – мн.ч.). В свете того, что в русском языкознании остаются спорными вопросы о критериях лексико-грамматических разрядов существительных, а также вопрос о постулирующих признаках АС, анализ природы абстрактных единиц в связи с признаком неполной числовой парадигмы является актуальным [Ляшевская 2004: 45].

Вышеуказанная база данных создается с опорой на методологию, которая применялась при создании аналогичной базы данных для английского языка [Brysbaert, 2014a]. Подобные рейтинги уже созданы также, например, для голландского, [Brysbaert, 2014b], немецкого [Schmidtke, 2014] и других языков. Итак, числовые значения для конкретности и абстрактности слов были получены при проведении опросов среди носителей языка на площадке Яндекс.Толока. Респондентам было необходимо оценить по числовой шкале степень конкретности/абстрактности указанных лексических единиц, где значение «5» - указывает на высокую степень абстрактности, «1» – на высокую степень конкретности. Словник формировался по признаку частотности [Ляшевская, 2015]. На данный момент в базу данных входит 1500 существительных.

На основе описанной базы данных был исследован вопрос о возможности употребления существительных с высокой степенью абстрактности в форме множественного числа. Слова делились на семантические группы [Шведова 2002], каждая группа анализировалась отдельно. В данной работе на примере анализа существительных с высокой степенью абстрактности, которые входят в семантическую группу «Духовный мир: Сознание. Мораль. Чувства» [Шведова 2002] (*мышление, сознание, справедливость, надежда, потребность, мечта, мысль, воспоминание*) описываются возможные нестандартные значения плюральных форм абстрактных единиц.

В ходе исследования, во-первых, были проанализированы значения существительных по данным Большого толкового словаря. Во-вторых, были отобраны примеры употребления АС в форме мн.ч. при помощи Национального корпуса русского языка и поисковой системы Google. В-третьих, на основе отобранных примеров были проанализированы особенности употребления АС в форме мн.ч.

В результате было выявлено, что, во-первых, в ряде контекстов слова в мн.ч. приобретают нестандартную семантику для плюральных форм, согласно термину Л.О. Чернейко, – «видообразующие значение» [Чернейко 2001]. Во-вторых, в определённых контекстах значение форм мн.ч. образуется путем метонимического переноса по модели «отвлеченный признак – событие, действие/субъект свойства» [Бирих 1995]. В-третьих, в семантической структуре некоторых слов в часто встречающемся значении «совокупность» появляется дополнительный оттенок значения, наблюдается лексикализация. Например, употребление формы «времена» типично для обозначения сложной, проблемной эпохи» [Плунгян 1997: 167]; форма «мечты» чаще употребляется в значении «несбыточной мечты».

Важно, что, как правило, АС в форме мн.ч. называют недискретный объект, приобретают семантику «совокупности», следовательно, с семантической точки зрения, – признаки собирательных существительных. Данные результаты важны как для дальнейшего исследования природы АС, так и для изучения нестандартного употребления грамлеммы множественного числа в русском языке, поскольку именно абстрактная лексика является продуктивной в аспекте образования плюральных форм с переносным значением.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-312-90041.

Литература

- Бирих 1995 – Бирих А. Метонимия в современном русском языке: семантический и грамматический аспекты. – München: Verlag Otto Sagner, 1995. — 195 с.
- Ляшевская 2004 – Ляшевская, О.Н. Семантика русского числа / О.Н. Ляшевская. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 400 с.
- Ляшевская 2015 – Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка: на материалах Национального корпуса русского языка: 2- издание, испр. и доп. – М.: Словари.ру., 2015.
- Чернейко 2001 – Чернейко Л.О. Абстрактные и отвлеченные существительные в их отношении к категории числа // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве. Сб. научных статей к 80-летию профессора К.В.Горшковой. М., 2001.
- Шведова 2002 – Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. – Т. 3. – М.: РАН. Ин-т рус. яз., 2002. – 720 с.
- Brysbaert 2014a – Brysbaert M., Warriner A. B., Kuperman V. Concreteness ratings for 40 thousand generally known English word lemmas // Behavior research methods. – 2014. – 46(3). – pp. 904–911.
- Brysbaert 2014b – Brysbaert M., Stevens M., De Deyne Simon, Wouter V., Gert S. Norms of age of acquisition and concreteness for 30,000 Dutch words // Acta psychologica. – 2014. – 150. – pp. 80–84.
- Volskaya 2020 – Volskaya, Y.A., Zhuravkina, I.S., Lobanov, A.P. Dictionary of abstract the words of the Russian language: Nouns with high numerical measure of abstractness // International Journal of Criminology and Sociology. – 2020. – № 9. – pp. 2398–2405.
- Schmidtke 2014 – Schmidtke, D., Schroder, T., Jacobs, A., Conrad, M. Angst: Affective norms for German sentiment terms, derived from the affective norms for English words // Behavior Research Methods. – 2014. – 46(4). – pp.1108–1118.
- Solovyev 2019 – Solovyev V.D., Ivanov V.V. Akhtiamov R.B. Dictionary of Abstract and Concrete Words of the Russian Language: A Methodology for Creation and Application // Journal of research in applied linguistics. – 2019. – №10. – pp. 215-227.

К вопросу о ролевой ориентированности санскритских перфективных причастий на *-(i)ta-*

Камаданова София Сергеевна
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
Институт стран Азии и Африки
Кафедра индийской филологии
Москва, Россия
e-mail: sofiaakama@mail.ru

Настоящее исследование посвящено проблематике ролевой ориентированности перфективных причастий (исходно отглагольных прилагательных) на *(i)ta-* в древнеиндийском (ведийском и санскрите).

Причастия на *-(i)ta-* от переходных основ характеризовались т.н. пассивным значением, т.е. - в современных терминах - имели пациенсную ориентацию. Однако примечателен тот факт, что среди переходных причастий на *-(i)ta-* существовал некий ограниченный класс форм, потенциально способных ориентироваться и на пациенс, и на агенс. См., например, следующую пару контекстов на пассивное (1) и активное (2) функционирование соответствующих причастий, образованных от глагольного корня *āp-* с переходным значением «получать/достигать»:

- (1) *sam-prāp-ta-m* ... *phala-m* *tauā*
получать/достигать(<*sam-pra-āp-*>)PP-NOM.N.SG плод/результат-NOM.N.SG я-INSTR.SG
'мною получен (букв. 'полученный/достигнутый') плод/результат'.

[MhBH-VI-144.21.2]

- (2) *bālā-Ø*... *kṛcchra-m*... *sam-prāp-tā*
юная девушка-NOM.F.SG беда/опасность-AC.N.SGполучать/достигать-PP-NOM.F.SG
'юная девушка попала в беду (букв. 'опасность получившая')».

[MhBH-V-191.17.1-2]

В результате ознакомления с историографией было установлено, что на данный момент не существует в достаточной мере исчерпывающего и непротиворечивого анализа соответствующих древнеиндийских форм, в свете чего наше исследование представляется особенно актуальным. Первым, кто обратил внимание на подобное нестандартное функционирование санскритских перфективно-переходных причастий, был Шпайер. Приведённый им краткий список такого рода форм и послужил отправной точкой настоящего исследования [Spreijer 1998: 280].

В рамках работы с корпусом текстов было проанализировано свыше 50 000 примеров причастий на *-(i)ta-* в древнеиндийском языке. Одним из ключевых результатов проведённой работы стало уточнение и расширение списка корней с переходным значением, перфективные причастия от которых могли иметь и пассивное (или медиопассивное) значение, и активное. Так например, в отношении способных ориентироваться и на пациенс, и на агенс перфективных причастий от корня *āp-* «получать/достигать», Шпайер отмечает как релевантную только форму *prāp-ta-* «полученный/достигнутый; получивший/достигнувший». Однако в ходе исследования нам удалось зафиксировать соответствующие примеры с причастиями, являющимися производными от того же корня, но с частично (*sam-prāp-ta-*) или полностью иными (*avāp-ta-*) превербами.

При этом мы не только уточнили сведения касательно самого 'списка Шпайера', насчитывающего 8 корней, но и дополнили его, зафиксировав ещё 3 редких корня с переходным значением (в превербной и беспревербной форме), перфективные причастия

от которых могли потенциально иметь и пациенс-, и агенс-ориентацию. Так, к ним можно причислить корни *vat-* «извергать/изрыгать», *sat-* «отпивать/пригубливать воду» и *ā-rabh/sat-ā-rabh-* «начинать/предпринимать».

Литература

DCS – Digital Corpus of Sanskrit <http://www.sanskrit-linguistics.org/dcs/index.php>
Speijer, J.S. Sanskrit Syntax. Delhi, 1998.
MhBH – Mahābhārata.

Влияние ошибочных вариантов на доступ к слову в ментальном лексиконе: экспериментальное исследование на материале французского языка

*Коваленко Елизавета Сергеевна
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург*

Обоснование исследования на материале французского языка

Орфографические ошибки в большинстве случаев рассматриваются как следствие слабого орфографического представления в ментальном лексиконе. На материале французского языка мы провели исследование, для которого характерны следующие типы орфографических ошибок: ошибки с диакритическими знаками ('*évènement*' / '*avènement*'), с диграфами (<eu> может соответствовать [ø] — '*deux*', [œ] — '*jeûne*', [y] — (il) '*eut*') или триграммами (<œu> может соответствовать [œ] — '*cœur*' или [ø] — '*vœu*'), с удвоенными согласными ('*pâte*' / '*patte*'). Следует добавить, что носители французского языка также допускают орфографические ошибки из-за лишних добавлений букв, ('*cauchemar(d)*', '*cat(h)échisme*'), неправильного порядка букв ('*infarctus*' / '*infractus*') или отсутствия окончания '*gagueure*' / '*gagueur*'). Так, важно установить, как происходит распознавание слова и лексический доступ у носителя французского языка, в каких словах он чаще всего допускает ошибки при декодировании написанного.

Материал

Для начала эксперимента было отобрано 30 слов (список слова представлен в таблице 1), в которых часто допускают орфографические ошибки. Далее, для каждого слова была подобрана 'пара', в которой допущена орфографическая ошибка. Исследование проводилось с помощью методики орфографического решения (spelling decision task).

Участники и процедура экспериментальной части

В исследовании приняли участие 36 человек (19 женщин и 17 мужчин). Все испытуемые являлись носителями французского языка. Их возраст варьировался от 16 до 49 лет. Важным пунктом прохождения эксперимента было то, чтобы испытуемые профессионально не работали с текстами. Во время прохождения эксперимента испытуемым предъявлялись отдельные слова, и они должны были решить, правильно ли написано слово, или в нем допущена орфографическая ошибка. Программа регистрировала ответ и время реакции.

Результаты и обсуждение

На материале протокола с правильными и ошибочными ответами мы рассчитали, что влияет на вероятность дать правильный ответ. Было выявлено, что на вероятность дать правильный ответ влияет частотность слова ($Z = 2,903$, $p\text{-value} = 0,0037$). Другими словами, если слово имеет высокую частотность, его в любом случае будут распознавать как правильное, независимо от того, много ли ошибок в корпусе или нет. После мы рассмотрели общую зависимость между временем реакции и частотностью слова, и посредством применения метода линейной регрессии было выявлено, что только частотность влияет на скорость распознавания слова ($\beta = -17,667$; $SE = 7,995$; $t\text{-value} = -2,210$; $p\text{-value} = 0,0276 < 0,05$).

Что касается слов без орфографических ошибок, к которым были даны правильные ответы, то на скорость их распознавания значимо влияет взаимодействие двух факторов: частотности слова и энтропии написаний, то есть соотношения верных и неверных написаний слова в корпусе: $\beta = -63,264$; $SE = 28,429$; $t\text{-value} = -2,225$; $p\text{-value} = 0,0267$.

В заключение мы решили проверить, какой тип орфографической ошибки наиболее выражен в неправильно написанных словах: было выявлено, что реже всего участники распознают ошибки в словах с заменой или добавлением букв, а чаще всего — ошибки, связанные с диакритическими знаками.

Литература

Hayes D. P., Ahrens M. Vocabulary simplification for children: A special case of motherese? In: *Journal of Child Language*, 1988, Vol. 15. Pp. 395–410.

Kuperman V., Kyröläinen A.-J. Prevalence of spelling errors affects reading behavior across languages. In: *Journal of Experimental Psychology*, 2021, Vol. 23. Pp. 1–52.

Perfetti C. A., Hart L. The lexical quality hypothesis. In: *Precursors of functional literacy*, 2002, Vol. 11. Pp. 67–86.

Rahmanian S., Kuperman V. Spelling errors impede recognition of correctly spelled word forms. In: *Scientific Studies of Reading*, 2017, Vol. 23(1). Pp. 24–36.

Stanovich K. E. Does reading make you smarter? Literacy and the development of verbal intelligence. In: *Advances in child development and behavior*, 1993, Vol. 24. Pp. 133–180.

Таблица 1

Слово	Количество букв	Частотность, ipm	«Пара»	Частотность пары, ipm
Recueillir	10	61525	Receueillir	304
Siphon	6	9037	Syphon	506
Obédience	9	9079	Obédiance	56
Accueillir	10	245758	Acceueillir	1992
Gueuler	7	4141	Geuler	95
Capharnaüm	10	2756	Capharnaûm	6
Déménager	9	21608	Démenager	85
Bouilloire	10	9926	Bouloire	31
Enthousiasme	12	83256	Entousiasme	186
Rébellion	9	40999	Rébelion	13
Déshonorer	10	1330	Deshonorer	23
Catéchisme	9	13731	Cathechisme	17
Cauchemar	9	37015	Cauchemard	1039
Dégingandé	10	400	Déguingandé	19
Gageure	7	5679	Gageur	64
Infarctus	9	15013	Infractus	83
Abasourdi	9	2896	Abassourdi	28
Hypnotisé	9	1922	Hynoptisé	6
Aborigène	9	4026	Arborigène	29
Effervescence	13	16765	Effervesence	8
Dilemme	7	19031	Dileme	53
Métonymie	9	3557	Métonimie	5
Fatiguant	9	5591	Fatigant	4303
Extravagant	11	5122	Extravaguant	97
Convaincant	11	16822	Convainquant	3330
Agressif	8	30892	Aggressif	589
Nourrir	7	107171	Nourir	747
Omettre	7	7330	Ommettre	44
Absence	7	474113	Absense	68
Événement	9	344548	Évènement	135303

Экзистенциальные предикаты в Новом Завете

Э. К. Кожевникова
МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва)

Данная работа посвящена описанию контекстов, содержащих экзистенциальные предикаты, в Новом Завете на материале семи языков (древнегреческий, русский, английский, латинский, немецкий, французский, удмуртский, см. список источников), ср. аналогичный подход к Новому Завету как к обширному параллельному корпусу, например, в [Wälchli, Cysouw 2012; Dahl, Wälchli 2016]; см. также обзор в [Плунгян 2021].

Экзистенциальные предикаты выражают идею о существовании некоторой сущности, в мире или отдельном его фрагменте, см. [Арутюнова, Ширяев 1983; Payne 1997]. Они могут также употребляться в локативных и посессивных конструкциях, см. подробнее [Lyons 1968; Koch 2012] о других типах именной предикации.

Мы отобрали 88 контекстов с собственно экзистенциальными конструкциями и распределили их на пять групп: интродукция ('Intr'), ассерция существования ('Assert', которая включает в себя утвердительные и отрицательные контексты), генерическое существование ('Gen') и инхотатив ('Inch'), см. Таблицу 1. Насколько нам известно, семантические типы экзистенциальных конструкций в типологических работах прежде не обсуждались.

Тип	Пример	Кол-во контекстов
Intr	<i>(В Иопнии) находилась одна ученица</i> [Деян. 9:36]	23
Assert	Affirm <i>был брак (в Кане Галилейской)</i> [Ин. 2:1]	37
	Neg <i>нет воскресения, ни Ангела, ни духа</i> [Деян. 23:8]	8
Gen	<i>бывает радость у Ангелов Божиих</i> [Лк. 15:10]	3
Inch	<i>сделалась тишина</i> [Лк. 8:24]	17

Таблица 1. Контексты с экзистенциальной предикацией в Новом Завете

Помимо прототипических экзистенциальных предикатов (например, *быть* в русском; *eimi* в древнегреческом) и экзистенциальных конструкций (*there is* в английском; *il y a* во французском; *es gibt* в немецком), для выражения значения существования могут использоваться и другие средства. Мы рассмотрим закономерности употребления встретившихся предикатов и конструкций в зависимости от типа контекста.

Мы также разделили отобранные контексты на ядерные и периферийные в зависимости от того, насколько однозначна сама семантика контекста (или допускает иную трактовку), и от количества расхождений (наличие или отсутствие экзистенциальной предикации в некоторых переводах в релевантных контекстах). На данную базу можно опираться при дальнейшем анализе экзистенциальной предикации на расширенном языковом материале.

Литература

Арутюнова, Ширяев 1983 — Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983. С. 5-13.

- Плунгян 2021 — В. А. Плунгян. Конференция «К построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета» // Родной язык. 2021. №2
- Dahl, Wälchli 2016 — Dahl, Ö. & Wälchli, B. 2016. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. // Letras de Hoje 51 (3), 325-348.
- Koch 2012 — Peter Koch. Location, existence, and possession: A constructional-typological exploration. Linguistics 50(3), 2012. P. 533–603.
- Lyons 1968 — John Lyons. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.
- Payne 1997 — Thomas Edward Payne. Describing morphosyntax: A guide for field linguists. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Wälchli, Cysouw 2012 — B. Wälchli, M. Cysouw. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. Linguistics. 2012. Vol. 50. Issue 3. P. 671–710.

Источники

Рассмотренные книги Нового Завета:

- Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна;
- Деяния святых Апостолов;

Рассмотренные переводы Нового Завета:

- Новый Завет на языке оригинала — древнегреческом (Novum Testamentum Graece);
- Новый Завет на русском (Синодальный перевод, новый русский перевод);
- Новый Завет на английском (King James Bible);
- Новый Завет на латинском (Nova Vulgata);
- Новый Завет на немецком (Lutherbibel, BasisBibel);
- Новый Завет на французском (bibleonline.ru/bible/fra/);
- Новый Завет на удмуртском (finugorbib.com).

Кетский язык: современный социолингвистический статус и причины, приведшие к нему (на материале полевых исследований)

*Козиорова Юлия Игоревна
Институт языкознания РАН*

Предметом исследования является современное состояние кетского языка у кетского населения поселков Красноярского края.

Выводы доклада сделаны на основе полевых данных, которые были собраны при участии автора в экспедициях 2015 и 2018 годов. Эти данные представляют собой, во-первых, базу социолингвистических анкет, которая достаточно репрезентативна по возрасту, полу и географии проживания информантов, и во-вторых, 42 глубинных интервью по теме «Языковые контакты в прошлом и настоящем», которые дают представление о языковой картине мира современных кетов и об историческом пути народа и причинах утраты языка.

В докладе будет представлена социолингвистическая ситуация, в которой находится кетское сообщество, а также современное состояние кетского языка. Будут отражены как грамматические аспекты, акцент на изучение которых делался в 2015 году, так и внешнеязыковые факторы, которые были выявлены в ходе исследования 2018 года.

Подводя итоги полевой работы в 2015 г., можно перечислить следующие черты социолингвистической ситуации в посёлке Келлог: высокий средний возраст носителей,

отсутствие передачи языка в семье, малая сфера употребления, малый объём употребления, малое количество носителей, стопроцентный билингвизм, престижность русского языка, отсутствие преподавания родного языка, опрощение языка, ситуация языкового сдвига-перехода на более престижный язык.

Помимо вышеперечисленного, кетский язык находится на более глубокой стадии языкового сдвига, нежели предполагалось ранее, в той ситуации, когда начинаются уже непосредственно лингвистические изменения. Выводы, сделанные на основе проведенных грамматических тестов, о частой замене комитативных конструкций сочинительными и комбинации разных способов, в том числе с кодовыми переключениями, вкупе с замеченной по результатам экспедиции утратой каритива и появлением возможности у инструментального маркера сочетаться с комитативной конструкцией показывают, что языковой сдвиг проявляется уже не только на уровне социолингвистики, но и на собственно языковом уровне.

По предварительной оценке собранных экспедицией в 2018 году глубинных интервью в поселках Келлог, Бахта и Суломай Красноярского края можно констатировать, что активная утрата родного языка кетским населением началась в прошлом веке с приходом советской власти и внедрением оседлого образа жизни, коллективных форм хозяйствования.

К 1930-1940-м гг. установилось устойчивое функциональное кетско-русское двуязычие на почве контактов с советской властью.

Дальнейшая прогрессирующая утрата носителями кетского языка была вызвана в том числе следующими факторами: закрепление кетов на местах, Великая отечественная война, система обучения в интернатах.

Наконец, в 1970-е годы произошло прекращение естественной передачи языка в семье, в результате чего современное взрослое население не владеет кетским языком, хотя и понимает его.

К вопросу о создании этимологических баз данных на примере разработки базы по юкатекским языкам

*Коровина Евгения
ИЯз РАН*

Использование компьютерных методов в сравнительно-историческом языкознании в последние годы приобретает все большее значение. Речь идет, с одной стороны, о представлении информации, полученной традиционными методами в виде компьютерных баз данных, что, реализуется, к примеру в системах Starling, LingvoDoc, POLLEX, Austronesian Comparative Dictionary, DDSAL и ряде других, - то есть фактически о снабжении традиционных этимологических словарей системой электронной метаразметки и удобным поиском. С другой стороны, совершенствуются методы формализованной языковой классификации на основе базисной лексики и автоматического поиска когнатов. Эти разработки ставят перед исследователями различные вопросы, касающиеся формализации важнейших понятий сравнительно-исторического языкознания, в частности представлений о регулярных фонетических соответствиях и о том, что есть архаизмы и инновации применительно к реконструкции праязыка.

В случае языковой семьи майя, как представляется, остро стоит задача разработки электронного этимологического словаря. Это связано, с одной стороны, с наличием на сегодняшний день достаточного количества материалов, как синхронного характера, так и сравнительно-исторического характера, а с другой с важностью этой семьи для

исторической науки. Наиболее полный обзор состояния текущей документации и сравнительно-исторического изучения языков семьи сделан в Aissen, England&Zavala Maldonado 2017. Так, имеется довольно подробная реконструкция как протомайяского состояния (наиболее полно в Kaufman&Justeson 2003, Kaufman 2020, Wichmann&Brown n.d.), так и реконструкции почти всех отдельных подгрупп.

В докладе будут рассмотрены теоретические и практические проблемы, с которыми столкнулся автор в ходе разработки одной из частей этого словаря – этимологической базы данных для юкатекских языков, размещенной в настоящее время по адресу <http://maya.polycorpora.org/yuc/>.

Литература

- Aissen, England&Zavala Maldonado 2017 – Aissen, Judith, Nora C. England, and Roberto Zavala Maldonado. 2019. The Mayan languages. London & New York: Routledge.
- Austronesian Comparative Dictionary – Blust, R. & Trussel, S. 2010-.... Austronesian Comparative Dictionary, web edition (www.trussel2.com/ACD)
- DDSAL – Digital Dictionaries of South Asia (<https://dsal.uchicago.edu/dictionaries/>)
- Kaufman&Justeson 2003 – Kaufman, T. & Justeson, J.S. 2003. A preliminary Mayan etymological dictionary. (<http://www.famsi.org/reports/01051/pmed.pdf>)
- Kaufman 2020 – Kaufman, Terrence. 2020. Mayan Comparative Studies. (https://www.researchgate.net/publication/340925779_Mayan_Comparative_Studies_Kaufman)
- LingvoDoc – <http://lingvodoc.ispras.ru/>
- POLLEX – Greenhill S.J. & Clark R. 2011. POLLEX-Online: The Polynesian Lexicon Project Online. Oceanic Linguistics, 50(2), 551-559 (<https://pollex.shh.mpg.de/>)
- Starling – The Tower of Babel. 1998-... (<https://starlingdb.org/>)
- Wichmann&Brown n.d. – Wichmann, S. & Brown C.H. n.d. Pan-Chronic Mayan Dictionary. Ms.

«Делать важный выбор» vs. «*важно выбирать»: оформление сирконстанта при вершине, выраженной номинализацией или глаголом

*Маттеи Юлия Павловна
НИУ ВШЭ, СПб*

В рамках доклада сравниваются синтаксические свойства двух синонимических конструкций, одна из которых — конструкция с легким глаголом (ЛГ), его прямым дополнением, выраженным номинализацией, и ее сирконстантом, выраженным прилагательным, вторая — перифраз первой, состоящий из наречного сирконстанта и лексического глагола (т. е. лексически полного, противопоставленного грамматикализованному легкому глаголу), дериватом которого является номинализация. Цель исследования — типология сирконстантов, запрещающих или разрешающих наречное выражение в конструкциях второго типа. В частности, проверялся запрет на выражение наречного сирконстанта со значением *оценки: оказать неоценимую услугу* — **неоценимо обслужить* [Тестелец 2001].

Для анализа были взяты легкие глаголы *делать, совершать, производить* и *оказывать*, являющиеся наиболее типичными значениями лексической функции OPER1 от имен действий [Апресян 2003]. В синтаксическом подкорпусе НКРЯ среди номинализаций при ЛГ были отобраны по 3 самых частотных дополнения; так были определены 12 изучаемых конструкций с ЛГ и номинализацией. Далее в основном корпусе НКРЯ для каждой из них находились по 4 наиболее частотных сирконстанта,

выраженных прилагательным (*делать **поспешный** вывод, делать **окончательный** выбор*), и выполнялся поиск 48 перифрастических конструкций с лексическим глаголом, в которых сирконстант выражен наречием (*?**поспешно** выводить, ^{OK}**окончательно** выбирать*). Таким образом, определялась способность сирконстанта быть выраженным в перифрастической конструкции и по стратегии оформления были определены классы сирконстантов.

Вторым этапом исследования стал эксперимент на оценку приемлемости предложений носителями, в котором в качестве стимулов предлагались перифрастические конструкции с лексическим глаголом и наречным сирконстантом, уделялось особое внимание сирконстантам, показавшим вариативность в корпусных данных. По результатам эксперимента созданное на корпусных данных распределение сирконстантов уточнено.

Сирконстанты оценки, такие как *серьезный, важный, неоценимый* и др., действительно предпочитают запрет на выражение в перифразах. Если сирконстант и номинализация составляют коллокацию (*очная ставка*), наречное выражение сирконстанта скорее запрещается. Разрешенными оказались перифразы некоторых конструкций, такие как *крупно ставить (делать крупную ставку)* и др., по корпусным данным не употребляемые в современном русском языке.

Литература

Апресян 2003 — Апресян, Ю. Д. Фундаментальная классификация предикатов и системная лексикография // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 2003, с. 7–21.

Тестелец 2001 — Тестелец, Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.

«Проблема дискурсивных слов и частиц в переводе на примере романа В. Набокова «Дар»

*Мошков М.Е.
РГГУ*

Дискурсивные слова как отдельная область лингвистики стали исследоваться сравнительно недавно. Это единицы особого типа, которые в более широком и менее точном значении называются «служебными словами». Они способствуют связному построению текста и отражают процесс взаимодействия между говорящим и слушающим, выражают оценку сказанного самим говорящим, пресуппозицию, мнение и другую экстралингвистическую информацию. Для русского текста характерно использование дискурсивных единиц, не имеющих соответствий в английском тексте, поэтому нередко переводчик сам включает новые дискурсивные единицы в русский текст. Однако в ещё меньшей степени освещена проблема возникновения новых дискурсивных единиц при переводе с русского на английский язык.

В качестве материала исследования был выбран текст романа Владимира Набокова «Дар». Данный текст представляет особый исследовательский интерес, поскольку для Набокова оба языка были родными, и он лично участвовал в редактировании перевода. В докладе представлены результаты сплошного сопоставительного анализа текста романа и его перевода на английский язык на предмет дискурсивных единиц, которые появились в английском переводе без соответствий в русском тексте, а также на предмет единиц, имеющих нетипичные соответствия. На основе анализа русского контекста удалось выявить условия появления в английском переводе дискурсивных единиц, отсутствующих

в русском тексте, прийти к определенным выводам о семантике английских и русских дискурсивных единиц, а также сделать предположение о том, что русская языковая культура, по сравнению с английской, в принципе допускает или даже требует более выраженного проявления эмоций.

Источники

Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода: в 5-ти т. / сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2002. Т. 4. Приглашение на казнь. Дар. Рассказы. Эссе. Рецензии. 784 с.

Nabokov V. The Gift / Transl. from the Russian by M. Scammel with the collab. of the author. London: Weidenfeld and Nicolson, 1963. 346 p.

Литература

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

Дискурсивные слова русского языка : контекстное варьирование и семантическое единство : сб. статей / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М. : Азбуковник, 2003. 206 с.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания : монография / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М. : Метатекст, 1998. 446 с

Blakemore, D. 1987. Semantic Constraints on Relevance. Oxford: Blackwell.

Blakemore, D. 2002. Relevance and Linguistic Meaning: The Semantic Pragmatics of Discourse Markers. New York: Cambridge University Press.

Schiffrin, D. 1987. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press.

Schiffrin, D. 1994. Approaches to Discourse: Language as Social Interaction. Oxford: Wiley-Blackwell.

Национальный корпус русского языка. Параллельный корпус (английский). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>

Порядковые числительные в контактных языках: типологическая перспектива

Наследскова Полина

Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ

Порядковые числительные в языках мира образуются от количественных с помощью маркеров, функции которых весьма разнообразны (Наследскова 2018). Среди таких маркеров есть специальные порядковые морфемы (в английском и многих других языках), различные средства маркирования приименного зависимого (например, адъективизатор в миштекском, см. Alexander 1980: 75), конструкции с существительным ‘номер, порядок’ (например, во вьетнамском, см. Nguyen 2004: 51) и множество других. Помимо этого, существуют языки, где и в количественных, и в порядковых контекстах используются количественные числительные, а также языки, в которых вообще нет порядковых числительных как категории – порядковое значение в таких языках выражается с помощью описательных конструкций (см. Everett, Kern 1997: 340 для языка вари).

Цель настоящего исследования – сравнить данные об образовании порядковых числительных в не контактных языках мира, с данными об образовании порядковых числительных для контактных языков.

Данные об образовании порядковых числительных не в контактных языках взяты из работы (Наследскова 2018), данные о контактных языках – из работы (Maurer 2013). Выборка не контактных языков основана на WALS-100⁸ и включает в себя 115 языков, для 92 из которых есть данные. Выборка контактных языков состоит из 68 языков. Чтобы избежать перекоса в выборке контактных языков, вызванной большим количеством креолов на основе английского/французского языков и языков из макро-суданского пояса, контактные языки были дополнительно сгруппированы мной в 30 би-кланов по методу, описанному в (Michaelis 2020).

Распределения стратегий образования порядковых числительных в контактных и не контактных языках были обработаны тестом Фишера. Тест показал, что значимой разницы между распределением стратегий в контактных и не контактных языках нет ($p\text{-value} = 0.2747$).

Порядковые числительные в контактных языках – это «заново появившаяся» категория, так как и сами эти языки появились относительно недавно. Результат данного исследования может пролить свет на механизмы появления порядковых числительных как категории в тех не контактных языках, диахронические данные которых нам недоступны.

Литература

- Наследскова, П. Л. Типология образования порядковых числительных, 2018 (не опубликовано).
- Alexander, R. M. Gramatica mixteca de Atlatlahuca. (Serie de gramáticas de lenguas indígenas de México, 2.) México, D. F.: Instituto Lingüístico de Verano, 1980.
- Everett, D. L. and B. Kern. Wari: the Pacaas Novos Language of Western Brazil. (Descriptive Grammar Series.) London: Routledge, 1997.
- Maurer, P and the APiCS Consortium. Ordinal numerals. In: Michaelis, Susanne Maria & Maurer, Philippe & Haspelmath, Martin & Huber, Magnus (eds.) The atlas of pidgin and creole language structures. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Michaelis, S. M. Avoiding bias in comparative Creole studies: Stratification by lexifier and substrate. *Isogloss*, 6(8), 2020.
- Nguyen, T. The Structure of the Vietnamese Noun Phrase. Boston University, 2004.

Императивные контексты в Евангелиях от Луки и Иоанна

*Владислав Орлов
Институт языкознания РАН*

В докладе рассматриваются императивные контексты в двух текстах Нового завета (Евангелиях от Луки и Иоанна). Исследование проводилось на материале древнегреческого, латинского, русского, английского, испанского, финского и горномарийского языков. Основной целью исследования было предложить классификацию императивных контекстов, которая потом могла быть использована в типологических исследованиях, опирающихся на указанные тексты как на параллельный корпус (примеры подобных исследований см. в [Cysouw, Wälchli 2007], [Dahl, Wälchli 2016], [Плунгян, 2021]).

Мы используем широкое понимание императива как глагольной категории, выражающей побуждение в широком смысле. Императивным контекстом считается, соответственно, контекст, где в большинстве (5 из 7) языков встречается специализированная императивная форма. Отметим, что в рамках исследования не рассматривались формы прохибитива (императива отрицания) и императива 1-го лица ед.

---

⁸ <https://wals.info/language/samples/100>

числа, имеющего семантику, отличную от иных лично-числовых форм императива (см. [Гусев 2013: 51-52]).

В основу классификации императивных контекстов был положен прагматический критерий. Под прагматической функцией мы понимаем компонент высказывания, отражающий намерение говорящего (т.е. иллокуцию в терминологии [Остин 1986]). Мы выделяем три значения этого параметра для императивных форм в тексте:

1) собственно-директивная функция, т.е. попытка говорящего фактом своего высказывания каузировать то или иное событие;

2) проповедь, под которой понимается предписание генерического характера, регулирующее поведение христианина;

3) дискурсивная функция, при которой императивная форма служит средством организации дискурса (ср. определение императива от глагола *знать* в русском языке по [Апресян 1995: 149]).

Ниже приведена таблица, отражающая встречаемость различных лично-числовых форм и семантических подтипов императива в данных прагматических функциях.

		2SG	2PL	3SG	3PL	1PL
Директивная		89	35	7		11
из них	<i>просьба</i>	15	–			
	<i>категорический</i>	5				
	<i>отложенный</i>	-	–			
	<i>директивный</i>	3	4			
Проповедь		8	48	7	1	
из них	<i>просьба</i>	–	–			
	<i>отложенный</i>	–	5			
	<i>директивный</i>	1	1			
Дискурсивная		5	5	2	–	–

Как видно по данной таблице, существует корреляция между прагматической функцией императивной формы, её лично-числового значения и семантического подтипа. В рамках доклада мы постараемся дать объяснение этой корреляции, а также обратимся к частноязыковым особенностям, связанным с употреблением императивных форм в различных прагматических функциях.

Литература

1. Апресян 1995 — Ю.Д. Апресян. Прагматическая информация для толкового словаря. // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва: школа: «Языки русской культуры», 1995. С. 135–155.
2. Остин 1986 — Остин Дж. Л. Слово как действие // И. М. Кобозева, В. З. Демьянков (сост.), Б. Ю. Городецкий (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

3. Плу́нган 2021 – В.А. Плу́нган. Конференция «К построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета». // Родной язык. Вып. 2, 2021. С.229-238
4. Cysouw, Wälchli 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // Language Typology and Universals, vol. 60, no. 2, 2007, pp. 95-99.
5. Dahl, Wälchli 2016 — Ö. Dahl, B. Wälchli. Perfects and iamitives: two gram types in one grammatical space. // Letras de Hoje 51 (2016): 325-348.

Эллипсис субъекта в письменной речи русскоязычных детей и подростков и его зависимость от позиции в предложении⁹.

М. А. Пономарева
кафедра общего языкознания имени Л.А. Вербицкой СПбГУ

Цель исследования – рассмотреть письменную речь русскоязычных детей младшего школьного возраста и подростков с точки зрения выбора способа выражения синтаксического субъекта (в качестве способов выражения субъекта рассматриваются лексический способ выражения, местоимение, а также такие виды синтаксического опущения как эллипсис и редукция [Грудева 2007]). Сопоставительное исследование проводится на материале серии психолингвистических экспериментов по методике извлечённого рассказа, в частности, используются письменные пересказы просмотренного мультфильма «Как стать большим?» (Союзмультфильм, 1967). Рассматриваются пересказы детей двух возрастных групп: младших школьников (3-4 класс) и учеников средней школы (7 класс). Возраст участников обусловлен тем, что письменной речи дети начинают обучаться в школе и в 3-4 классе находятся в самом начале её освоения, тогда как 7 класс М. Р. Львов относит ко второму этапу овладения грамматическим строем речи и характеризует как «время выравнивания употребления» грамматических форм [Львов 1979, с. 53]. Внимание акцентируется на использовании эллипсиса как вида опущения синтаксического субъекта, а также на позиции субъекта в предложении (рассматривается три типа позиций: главная клауза, зависимая клауза и сочинительное сокращение [Падучева 1974; Пекелис 2013], или однородные члены) как факторе, оказывающем влияние на выбор способа выражения субъекта. Главный интерес представляет вопрос о том, меняется ли с возрастом частотность его употребления детьми по сравнению с другими способами обозначения субъекта в письменном тексте. Как пишет М. Р. Львов, «подлежащее обладает регрессивной тенденцией малой интенсивности» [Львов 1978, с. 25], и в данной работе предпринимается попытка определить, является ли это результатом возрастающей тенденции к эллиптированию подлежащего или ростом количества других членов предложения вследствие усложнения структуры предложения. Согласно полученным данным, позиция оказывается значимым фактором для выбора способа выражения субъекта для обеих возрастных групп, а процент эллиптированных субъектов незначительно увеличивается (с 19% для учеников 3-4 классов до 22% для семиклассников). В дальнейшем эти результаты можно будет сравнить с результатами устной речи и результатами для иного возраста для построения периодизации усвоения правил эллиптирования.

Литература

---

⁹ Проект поддержан грантом РФФИ «Устный и письменный нарратив как вторичный текст: особенности порождения разными категориями носителей русского языка» (№20-012-00290).

- Грудева 2007—Грудева, Е. В. Избыточность и эллипсис в русском письменном тексте. Череповец, 2007— 251 с.
- Львов 1978 — Львов, М. Р. Тенденции развития речи учащихся: пособие для студентов пед. ин-та. Вып. 1. М.: Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина, 1978 — 79 с.
- Львов 1979 — Львов, М. Р. Тенденции развития речи учащихся: пособие для студентов пед. института. Вып. 2. М.: Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина, 1979. — 79 с.
- Падучева, Е. В. О семантике синтаксиса. М.: Наука, 1974 — 292 с.
- Пекелис, О. Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2013. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 28.05.2021)

Order Iconicity Principle in Temporal Interpretation of Russian Perfective Participial and Converbial Clauses

*Пригоркина В.А.
НИУ ВШЭ*

Pragmatic factors frequently affect the interpretation of grammatical constructions, and the category of relative tense is no exception. As has been previously shown for coordinated structures with perfective verbs (e.g., Paducheva, 2017; Khrakovskij, 2009) and dependent temporal clauses (Clark & Clark, 1968; Sasanuma & Kamio, 1976; Natsopoulos et al., 1991; Jansen, 2008), iconic correspondence of the order of mentioning of the predicates and temporal sequence of the events they denote is preferred and facilitates temporal interpretation. However, it has remained outside of the scope of experimental research, whether this interpretation bias, termed Order Iconicity Principle (OIP), is extended to non-finite constructions. Furthermore, with respect to Russian perfective converbial and participial clauses, there is a lot of debate about the taxis meaning of posteriority (the event denoted by the dependent form temporally following the event denoted by the main clause), which is perceived by the majority of researchers as a contextually driven interpretation (Weiss, 1995; Shigurov, 1991), arising due to additional contextual\lexical cues (“natural chronology” and “deflexion” in terms of Lehmann (1998); hereafter coherence). According to other views, however, posteriority could be a separate taxis meaning of the forms under discussion, enabled by 1) converbs linearly following the main clause and 2) perfective aspect of the predicates, denoting a finished event with clear-cut boundaries (Rappaport, 1984; Akimova & Kozintseva, 2001; Khrakovskij, 2003; Birzer, 2010) and closely resembling the OIP effect.

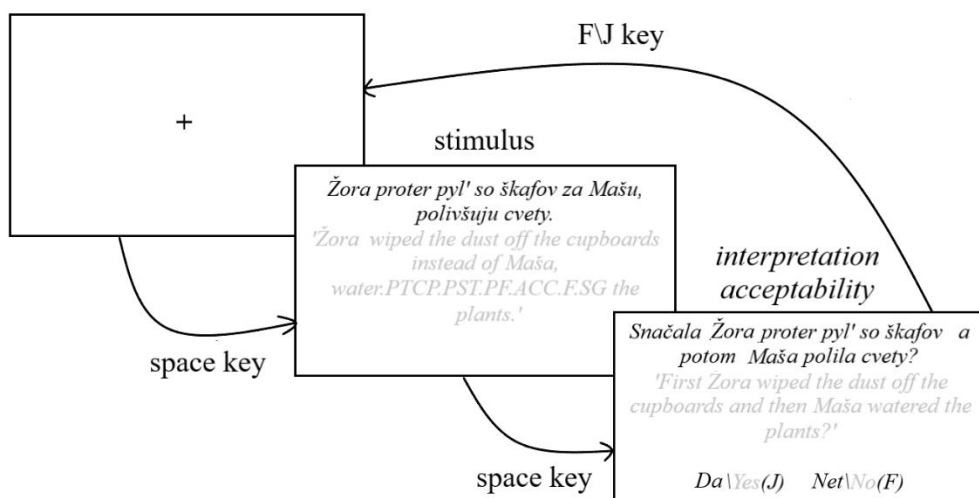
By examining native speakers’ on-line processing of these non-finite constructions and judgements concerning their non-simultaneity temporal interpretations, I expect to arrive at a better understanding of the status of posteriority interpretation in Russian non-finite clauses and OIP applicability scope. The research questions are: 1) whether there is a significant OIP effect for a) Russian perfective converbs and b) Russian perfective participles; 2) whether event coherence is necessary for posteriority interpretation of a) Russian perfective converbs and b) Russian perfective participles? 3) whether the effect size differs for converbs and participles?

I hypothesized, that for both Russian perfective participles (H1a) and converbs (H1b) a significant OIP effect would be found, manifested in higher acceptability rates and shorter Reaction Times (RT) for the temporal interpretation, corresponding to the order of the clauses. Furthermore, based on the Lehmann’s (1998) Narrative event chronology approach, I expected a significant and decisive effect of coherence on the interpretation acceptability for both constructions (interpretation consistent with our world knowledge and predicates lexical

meaning being prevalent in acceptability and easier processed) as combining the two strongest interpretational factors (world knowledge and deflexion; H2). Finally, to the difference in syntactic and discourse properties of the constructions (scale of finiteness, adverbial vs. attribute function, preservation of the verb semantics dynamicity and category of absolute tense; Vjal'sova, 2008; Krapivina, 2009; Say, 2020), I expected a significantly smaller OIP effect size for participles than for converbs (H3).

To test for these hypotheses, I conducted three experiments on the PCIBex platform (Zehr & Schwarz, 2018): with converbs, with participles, relativizing the subject and involving no clause order manipulation ($part_{subj}$) and with participles, relativizing an indirect object\adjunct in prepositional phrase ($part_{adj}$) allowing for clause order manipulation. They all involved presenting participants with sentences containing respective constructions in a self-paced reading mode and either posteriority or anteriority consistent interpretations of these sentences, following the stimuli. The participants objective was to accept or reject the interpretations suggested with a keypress, the answers, reading and response times being measured. Critical items varied in clause order (main clause followed by subordinate or vice versa) and coherence (accidental or coherent situations; preliminary normed). For each experiment 120 naive native Russian speakers between 18 and 40 years of age were recruited via Yandex.Toloka crowdsourcing platform (30 per experimental list; $n=360$ in total). Mixed-effects linear and logistic regressions were applied for reaction times and binary acceptability judgements data with Clause order, Interpretation suggested and Coherence of the events as independent variables and participants and stimuli as random effects.

Figure 1. Experiment procedure

Results showed a significant OIP effect for converbs (iconic vs. non-iconic interpretation accepted 66% vs. 33%; decision made 215 ms faster for iconic interpretation; $p < 0.001$), but not for participles overall (49,9% vs. 46,6% for $part_{adj}$ and 50,3% vs. 50,5% for $part_{subj}$; 10-20 ms difference; $p > 0.05$). Only for neutral contexts with no coherence there was a minor effect of OIP for $part_{adj}$ (9,2% vs. 91,8% posteriority vs. anteriority acceptance in preposition and 14,3% vs. 82,7% in postposition; $p < 0.05$). Therefore, the hypotheses H1 and H3 were confirmed. As for coherence, it significantly, but not decisively affected the acceptance of both interpretations for converbs (88% vs. 75% anteriority and 23% vs. 47% posteriority acceptance in anteriority coherent vs. accidental situations; $p < 0.001$) and moderated clause order effect for both converbs and participles: the OIP effect was (more) pronounced when there was no contextual predisposition for anteriority. But while for converbs in postposition in a neutral context posteriority was almost as acceptable as the anteriority (47% vs. 52%), for participles acceptance of posteriority was marginal (14,3% vs. 82,7%), but significantly more acceptable than for $part_{subj}$ without clause order manipulation (10.2% vs. 2.8%; $p < 0.001$).

Altogether, these results suggest the extension of OIP implicature to non-finite taxis constructions and reveal the major role of the difference in discursive and syntactic functions, as well as tense category preservation (adverbial vs. attribute function, introducing background information; Vjal'sova, 2008; Say, 2020) on temporal interpretation.

References

- Akimova, T., & Kozintseva, N. (1987). Zavisimyj taksis (na materiale deepričastnyx konstrukcij) [Dependent taxis (on the basis of converbial constructions)]. *Teorija funkcional'noj gramatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Taksis* [Functional grammar theory: Introduction. Aspect. Taxis] / Bondarko, A. (Ed.) – L.: Nauka [Science], 25.
- Birzer, S. (2010). Russkoe deepričastie. Processy grammatikalizacii i leksikacii [Russian converb. Processes of grammaticalization and lexicalization].
- Clark, H. H., & Clark, E. V. (1968). Semantic distinctions and memory for complex sentences. *Quarterly journal of experimental psychology*, 20(2), 129-138.
- Jansen, F. (2008). Order of mention and the position of temporal clauses in Dutch complex sentences. *Segmentation in Discourse*, 77.
- Khrakovskij, V. (2003) Kategorija taksisa (obščaja xarakteristika) [The category of taxis (general characteristics)]. *Voprosy Jazykoznanija* [Topics in the study of language], (2), 32-54.
- Krapivina, K. (2009). Pričastnyj taksis v russkom jazyke [Participial taxis in Russian]. Final qualifying work of the Bachelor of Philology. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Lehmann, V. (1998). Zeitliche Kohärenz. *Slavistische Linguistik* 1997, 101-123.
- Natsopoulos, D., Mentenopoulos, G., Bostantzopoulou, S., Katsarou, Z., Grouios, G., & Logothetis, J. (1991). Understanding of relational time terms before and after in Parkinsonian patients. *Brain and language*, 40(4), 444-458.
- Paducheva, E. V. (1996). Semanticheskie issledovaniia: semantika vremeni i vida v russkom iazyke: semantika narrativa [Semantic studies: semantics of tense and aspect in Russian: semantics of the narrative]. *Jazyki russkoj kul'tury* [Languages of the Russian culture].
- Rappaport, G. C. (1984). Grammatical function and syntactic structure: The adverbial participle of Russian (Vol. 9). Slavica Pub.
- Say, S. (2020). Vzaimodejstvie kategorij vremeni i reprezentacii v russkom jazyke [Interaction of time and representation categories in the Russian language]. In *Ierarhija i vzaimodejstvie grammatičeskikh kategorij glagola* [Hierarchy and interaction of grammatical categories of the verb] (pp. 582–618).
- Sasanuma, S., & Kamio, A. (1976). Aphasic's comprehension of sentences expressing temporal order of events. *Brain and language*, 3(4), 495-506.
- Shigurov, V. (1991). K probleme kategorial'noj interpretacii vida i otnositel'nogo vremeni deepričastij [On the problem of categorical interpretation of the type and relative tense of adverbs]. *Inženernye texnologii i sistemy* [Engineering technologies and systems], (4).
- Vjal'sova, A. P. (2008). Tipy taksisnyx otnošenij v sovremennom russkom jazyke (na materiale pričastnyx konstrukcij) [Types of taxis relations in modern Russian (based on the material of participial constructions)]. Doctoral Dissertation. V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
- Weiss, D. (1995). Russian converbs: a typological outline. In *Converbs in cross-linguistic perspective* (pp. 239-282).
- Zehr & Schwarz (2018) — Zehr, J., & Schwarz, F. (2018). PennController for Internet Based Experiments (IBEX). <https://doi.org/10.17605/OSF.IO/MD832>

Обоснование семантического аспекта описания аббревиатур в специализированных словарях

Доклад посвящён исследованию способов представления семантики аббревиатур в специализированных словарях сокращений и обоснованию необходимости отражения семантических характеристик аббревиатур в них. Материалом исследования служат словарные статьи специализированных словарей сокращений русского языка, изданных в период с середины XX в. по современность.

В результате исследования словарных статей обнаружены общие тенденции описания сокращений:

- наблюдается смешение сокращённых апеллятивов и онимов;
- количество инициальных аббревиатур, описываемых в словарях, значительно превышает количество аббревиатур других структурных типов;
- внимание сосредоточено на формальном сопоставлении сокращения и исходного словосочетания.

Как правило, в словарных статьях даются расшифровки сокращений, при этом отсутствуют толкования их значений:

(1) *ДШ* [дэ-ша́] – детонирующий **ш**нур [Алексеев 1977].

В докладе рассмотрены модели описания аббревиатур в современных многоаспектных толково-словообразовательных словарях сокращений, в которых учитываются как структурные, так и лексические характеристики аббревиатур. Необходимость описания их семантических особенностей определяется следующими положениями:

- чаще всего толкование лексического значения необходимо как для сокращений, так и для расчленённых наименований. Например, из трактовки аббревиатуры *ПБО – полевой банный отряд* [Алексеев 1977] – сложно определить, что речь идёт о передвижной бане.

- существуют специфические особенности семантики самих аббревиатур, связанные с устойчивым закреплением этих единиц в языке: расширение семантики сокращения, формирование переносных значений, стилистических особенностей и т.д. [Шумарин 2011, Петрухина 2018] У аббревиатуры *колхоз*, например, появилось множество переносных значений: «безвкусица», «беспорядок», «о некультурности кого-либо», «о непрофессиональном ремонте или строительстве» и т.д.

- возможны случаи, когда многозначность аббревиатуры приводит к появлению дополнительного мотивационно связанного с ней словосочетания-эквивалента, в котором реализуется одно из значений сокращения. Например, сложное слово *маслостойкость* имеет значения 1. «свойство пигмента, из которого изготавливают окрасочные составы, не растворяются в растительных маслах и олифах», которое соотносится со словосочетанием *стойкость к маслу* и 2. «способность масла сохранять свойства при химическом, физическом воздействии», соответствующее словосочетанию *стойкость масла*.

Включение семантического аспекта при лексикографическом описании аббревиатур является эффективным решением, поскольку позволяет отразить различные особенности функционирования, которые развиваются у аббревиатур по мере их закрепления в языке. Многоаспектный принцип описания реализуется в разрабатываемом под ред. В. И. Теркулова «Толковом словаре сложных слов русского языка». Составители учитывают фонетические, морфологические, стилистические и лексические характеристики сокращений:

(2) *Госа́кция*², -и, ж. Ценная бумага компании, принадлежащей *государству*
◀ 1: *государственная акция, акция государства* • *акция, бумага, билет, госбилет, госбумага, пай.*

Литература

Алексеев 1977 – Алексеев Д. И. Словарь сокращений русского языка : около 15 000 сокращений [Текст] / Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров ; под ред. Д. И. Алексеева. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Русский язык, 1977. – 415 с.
Петрухина 2018 – Петрухина Е.В. Семантические и стилистические свойства универбатов и субстантиватов в русском языке / Е.В. Петрухина // ZBORNIK RADOVA. Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima, Sarajevo, 4–7. aprila 2017 (ured. A.Šehović). – Sarajevo: Slavistički komitet. – 2018. – С. 337–353.
Шумарин 2011 – Шумарин С.И. Лексикографическое представление семантических и деривационных процессов в сфере аббревиации / С.И. Шумарин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3(33). – С. 94–96.

Тавтологии тождества в эксплицирующих контекстах как маркеры фоновых знаний

Сахоненко А.А.

Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) рассматриваются особенности функционирования тавтологических конструкций «*X есть X*» и «*X это X*». Неинформативные в буквальном смысле, они активно используются носителями языка для имплицитной передачи информации. Тавтологии тождества позволяют говорящему дать отсылку к конкретным свойствам референта, не называя их напрямую, и одновременно сообщить адресату, что говорящий включает его в число единомышленников, с которыми разделяет представления о референте [Fraser 1988; Miki 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Meibauer 2008] (см. 1–2).

(1) *Поросенок есть поросенок, но он может вообразить себя умным, благородным человеком и таким рекомендовать публике.* [Н. К. Михайловский. Гамлетизированные поросята (1882); НКРЯ]

(2) *Он, конечно, понимает, что сказка — это сказка. Но он умеет вышелушить сказку и добыть драгоценное зернышко, помогающее осмыслению жизни.* [С. А. Дангулов. Керашев (1981); НКРЯ]

Тем не менее, часто встречаются контексты, в которых, на первый взгляд, преимущества использования тавтологий теряются, так как сообщение, передаваемое тавтологией, дублируется (см. 3–4).

(3) *Конечно, это немного утомляло, но вообще-то юбилей есть юбилей — надо же отпраздновать!* [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000); НКРЯ]

(4) *Но партнер — это только партнер. То есть на время.* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000); НКРЯ]

В подобных контекстах предлагается рассматривать конструкции «*X есть X*» и «*X это X*» как средства указания на источник информации, которым в данном случае

выступают общие фоновые знания носителей языка. Так как одним из свойств фоновых знаний является их признанная надёжность [Kittilä 2019], высказывается предположение о том, что изучаемые конструкции способны придавать убедительность аргументу, в том числе и посредством маскировки личных убеждений говорящего под фоновые знания.

В ходе работы использованы методы корпусного анализа и метод аналитических толкований, предполагающий описание языковых единиц на прозрачном естественном семантическом метаязыке [Апресян 2014].

Литература

- Апресян В. Ю. Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2014. 637 с.
- Булыгина Т. В., Шмелёв А. Д.. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс] // URL: <http://ruscorpora.ru>
- Fraser B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies // Journal of Pragmatics. 1988. Vol. 12. P. 215–220.
- Kittilä S. General knowledge as an evidential category // Linguistics. 2019. Vol. 57 (6). P. 1271–1304.
- Meibauer J. Tautology as presumptive meaning // Pragmatics and Cognition. 2008. Vol. 16. P. 439–470.
- Miki E. Evocation and tautologies // Journal of Pragmatics. 1996 Vol. 25. P. 635–648.

Эквативные маркеры стандарта в Новом Завете¹⁰

Ю. Синицына
ИЯз РАН / МГУ

Доклад посвящен маркерам стандарта в эквативных конструкциях. Исследование проводилось на материале Нового Завета (Мф, Мк, Лк, Ин, Деян, Откр), использованным как параллельный корпус, преимуществом которого является количество существующих переводов (подробнее об использовании текстов Нового Завета для лингвистических исследований см. [Плунгян 2021] и цитируемые источники).

Эквативные конструкции подразумевают, что у двух сравниваемых объектов одинаковая степень проявления признака: ...*одежда его* (эталон) *бела* (признак), *как снег* (стандарт) [Мф. 28:3] (см., например, [Haspelmath, Buchholz 1998; Treis, Vanhove (eds.) 2017]).

Задача исследования — проверить, от чего может зависеть выбор маркера стандарта сравнения. Мы отобрали следующие параметры: семантика сравнения (одинаковая степень признака или образ действия), (не)вхождение стандарта в предикат (ср. *она поет как соловей* и *она как моя мать*), а также его прототипичность. Вслед за [Stolz 2013: 30] мы разделили стандарты на две группы в зависимости от способа выражения: к прототипичным стандартам относятся местоимения и «легкие» именные группы, непрототипичные стандарты – «тяжелые» именные группы, адложные группы клаузы.

Мы рассмотрели контексты на восьми языках: шести индоевропейских (русский, английский, древнегреческий, латинский, испанский, осетинский) и двух финно-угорских (горномарийский, удмуртский). Осетинский, горномарийский и удмуртский языки не

¹⁰ Исследование поддержано грантом РНФ №22-28-01639 “Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева”

представлены в достаточной степени в исследованиях эквативных конструкций, поэтому в докладе им будет уделено особое внимание. Нам также неизвестны работы, рассматривающие эквативные конструкции на материале параллельных корпусов, хотя подобный материал успешно использовался для исследования компаративных конструкций (*Он выше меня*) в языках Европы (см. [Stolz 2013]).

В докладе мы подробнее обсудим параметры и их вклад в выбор эквативного маркера в отдельном языке. Например, для осетинского языка семантика сравнения оказалась менее важным критерием по сравнению с прототипичностью стандарта, а в горномарийском, наоборот, на выбор маркера в большей степени влияет семантика сравнения.

Источники

1. Novum Testamentum Graece: <https://sites.google.com/site/nestle1904/>
2. Русский Синодальный перевод: <https://bible.by/syn/>
3. King James Bible: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>
4. Nova Vulgata: https://www.vatican.va/archive/bible/nova_vulgata/documents/nova-vulgata_novum-testamentum_lt.html
5. Biblia Reina Valera 1960: <https://www.bible.com/ru/versions/149-rvr1960-biblia-reina-valera-1960>
6. Переводы библии на горномарийский и удмуртский языки: finugorbib.com
7. Перевод библии на осетинский: online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/

Литература

- В. А. Плулунян. Конференция «К построению базы данных универсальных грамматических контекстов на материале параллельного корпуса переводов Нового Завета» // Родной язык. 2021. №2.
- М. Haspelmath, O. Buchholz. Equative and similative constructions in the languages of Europe. J. van der Auwera (ed.). Adverbial Constructions in the Languages of Europe. Berlin: Mouton, 1998. P. 277–334.
- T. Stolz. Competing Comparative Constructions in Europe. Berlin: Akademie-Verlag, 2013.
- Y. Treis, M. Vanhove (eds.). Similative and Equative Constructions: A Cross-linguistic Perspective. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Language Abilities Correlate With Communicative Skills: Evidence From Patients With Brain Tumors Before The Surgery

Anastasia Surova
HSE University, Faculty of humanities, Center for Language and Brain, Nizhny Novgorod,
Russia; asurova909@gmail.com

Maria Nelyubina
HSE University, Faculty of humanities, Center for Language and Brain, Nizhny Novgorod,
Russia; marnelyubina@gmail.com

Introduction

Daily communication difficulties as a result of aphasia, an acquired language disorder following a focal brain lesion (Damasio, 1992), reduce quality of a person's life and affect their social relations. Bakheit et al. (2005) found the correlation between the Western Aphasia Battery and the Communicative Effectiveness Index (CETI; Lomas et al., 1989) in the poststroke population; however, neurosurgical patients have not been analyzed yet. The current study is aimed at examining the correlation between communicative skills and a general language profile of patients with brain tumors.

Method

We tested 57 patients (Mage = 49.07, SD = 15.5; 29 women) who were submitted to a surgical removal of tumors in the left (language-dominant) hemisphere at medical centers in Nizhny Novgorod and Moscow. The patients were assessed with the tablet version of the Russian Aphasia Test (RAT; Ivanova et al, 2021), a comprehensive language battery evaluating phonological, lexico-semantic, syntactic and discourse levels, before the operation. The patients' relatives filled the CETI before the surgery.

Results

The analysis showed a statistically significant positive correlation between the scores on the CETI before surgery and the scores on the RAT subtests before surgery: total for subtests on production (tau = 0.351; padj = 0.027); object naming (tau = 0.334; padj = 0.041); action naming (tau = 0.383; padj = 0.015); total for subtests on comprehension (tau = 0.511; padj < 0.001); pseudowords discrimination (tau = 0.435; padj = 0.002); noun comprehension (tau = 0.564; padj < 0.001); verb comprehension (tau = 0.525; padj < 0.001); sentence comprehension (tau = 0.373; padj = 0.015); discourse comprehension (tau = 0.384; padj = 0.009).

Discussion

To our knowledge our study is the first to examine the relationship between the RAT and the CETI and to find positive correlation between these tests. The findings of the research prove that the RAT is an effective tool to evaluate patients' communicative skills.

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 20-18-00-399.

References

- Bakheit, A. M. O., Carrington, S., Griffiths, S., & Searle, K. (2005). High scores on the Western Aphasia Battery correlate with good functional communication skills (as measured with the Communicative Effectiveness Index) in aphasic stroke patients. *Disability and Rehabilitation*, 27(6), 287–291. <https://doi.org/10.1080/09638280400009006>
- Damasio, A. R. (1992). Aphasia. *The New England Journal of Medicine*, 326(8), 531–539. <https://doi.org/10.1056/NEJM199202203260806>
- Ivanova, M., Yulia, A., Soloukhina, O., Iskra, E., Buivolova, O., Chrabaszcz, A., Dragoy, O. (2021, May 24). The Russian Aphasia Test: The first comprehensive, quantitative, standardized, and computerized aphasia language battery in Russian. <https://doi.org/10.31234/osf.io/wajdz>
- Lomas, J., Pickard, L., Bester, S., Elbard, H., et al. (1989). The Communicative Effectiveness Index: Development and psychometric evaluation of a functional communication measure for adult aphasia. *Journal of Speech & Hearing Disorders*, 54(1), 113–124. <https://doi.org/10.1044/jshd.5401.113>

Природа вершины неглагольной предикации (на материале кичеанских языков)

*Сычев Роман Владимирович
МГУ им. М.В. Ломоносова*

Исследовательская задача: Неглагольная предикация в кичеанских языках представляет собой малую клаузу. Вопрос о структуре субъектно-предикатных отношений внутри малой клаузы в современном минималистском синтаксисе, как представляется, является одним из наиболее обсуждаемых.

Bowers [1993] предполагает наличие функциональной вершины в малой клаузе – PredP, которая опосредует любую неглагольную предикацию. То есть и субъект, и предикат в данном случае рассматриваются соответственно как спецификатор и комплемент указанной вершины.

Matushansky [2019] опровергает необходимость функциональной вершины малой клаузы. Автор предлагает рассматривать малую клаузу как проекцию лексической вершины, продолжая, таким образом, анализ Stowell [1983]. В этом случае субъектно-предикатные отношения устанавливаются между спецификатором максимальной проекции релевантной лексической вершины и остальным материалом фразы. **Цель:** доказательство функциональной природы вершины неглагольной предикации в кичеанских языках (семья майя).

Источники данных: оригинальные тексты на 10 кичеанских языках (киче, ачи, сакапультекский, сипакапенсе, какчикель, цутухиль, кекчи, успантекский, покомам, покомчи): рассказы, легенды, сказки, моно- и двуязычные публицистические и научно-популярные журналы, изданные в Гватемале, а также данные грамматических описаний.

Метод: минималистский анализ синтаксических структур.

Результаты: Используемая диагностика включает тест отношений малой клаузы с вершиной T⁰, тест на эффект границы клаузы в рамках реструктуризации, а также тест на операцию MOVE. Установлено, что неглагольная предикация в кичеанских языках имеет функциональную вершину. Ставится вопрос о механизме образования лексической категории глагола в отсутствие операции conflation [Baker 2003] в кичеанских языках.

Литература

Baker, Mark C. 2003. *Lexical categories: Verbs, nouns, and adjectives*. Cambridge: Cambridge University Press.

Bowers, John. 1993. The syntax of predication. In *Linguistic Inquiry*, vol. 24: 591-656.

Matushansky, Ora. 2019. Against the PredP Theory of Small Clauses. In *Linguistic Inquiry*, vol. 50, no. 1: 63-104

Stowell, Tim. 1983. Subjects across categories. In *The Linguistic Review* vol. 2: 285-312.

Контексты употребления артикля под ударением в нидерландском языке

Терешко Е.В.

Институт Языкознания РАН

Последнее время внимание многих лингвистов так или иначе привлечено к прагматической функции языка, как на уровне высказываний, так и на уровне отдельных грамматических явлений. Прагматическая функция артикля также рассматривается в ряде работ, например, [Талецкая, 2017] затрагивает вопрос прагматизации артикля перед именами собственными, а в работах Гункеля [Gunkel, 2006, 2016] внимание уделяется артиклям в ударной позиции. Однако подобных работ крайне мало. Большинство исследований, так или иначе рассматривающих артикль (например, для нидерландского языка см. [Павлова, 2020]), не выделяют ударную форму отдельно. Это может быть обусловлено, с одной стороны, трудностями, с которыми могут столкнуться исследователи при поиске примеров, а с другой стороны тем, что грамматика артиклей описана исчерпывающе. Однако прагматическая функция, которую могут выполнять артикли, не равна их грамматическим признакам, поэтому их рассмотрение важно для более полного описания лингвистической прагматики, в частности, нидерландского языка.

Рассмотрение артикля под ударением в контексте нидерландского языка дает некоторые преимущества при поиске примеров. Прежде всего, в отличие от немецкого

языка, в нидерландском форма артикля и форма указательного местоимения не совпадают (в немецком это происходит при использовании краткой формы указательного местоимения). Кроме того, в письменных текстах на нидерландском языке можно встретить написание артикля со значком ударения (*dé, hét*), что в случае нидерландского однозначно указывает на просодическое ударение, в отличие, например, от испанского, в котором диакритические знаки могут указывать на используемую часть речи (например, артикль *el* и местоимение *él*). Таким образом, нидерландский язык позволяет использовать для поиска примеров корпус письменных текстов, чем мы и воспользовались при поиске материалов для доклада.

Как пишет Л. Гункель, употребление артиклей в ударной позиции контекстуально ограничено. В докладе мы рассмотрим те контексты, в которых в нидерландском языке встречается артикль под ударением. Так, во-первых, на артикли падает ударение, когда говорящий хочет подчеркнуть уникальность называемого предмета или явления. При этом называемому объекту имплицитно приписываются контекстуально обусловленные свойства:

(1) Joe was met dit verhaal **dé man** in de kantine van Betlehem.

«С этой историей Джо стал [самым популярным] мужчиной в столовой Вифлиема».

Во-вторых, ударение на артикль падает в том случае, если говорящий предполагает, что называемое явление знакомо слушающему, при этом обращаясь к его способности ориентироваться в культурно-историческом контексте:

(2) Het was de week **van hét gesprek**. Ik denk dat heel Suriname van dinsdag tot en met vrijdag om tien uur 's avonds voor de televisie zat.

«Это была неделя того самого разговора. Я думаю, что весь Суринам в десять часов вечера со вторника по пятницу сидел перед телевизором».

В-третьих, артикли под ударением встречаются при повторах имен собственных, причем как имен людей, так и названий мест:

(3) De tango van Astor Piazzola, **dé Astor Piazzola**...

«Танго Астора Пьяцоллы, того самого Астора Пьяцоллы...»

В-четвертых, артикль под ударением встречается при противопоставлении:

(4) Hij kijkt naar haar gezicht. Zijn hand ligt nog op haar schouder. Hij beseft voor het eerst dat zijn leven pijn doet, niet **hét leven**, zijn leven, dat begrijpt hij terwijl hij naar het gezicht van Ester zonder h kijkt.

«Он смотрит ей в лицо. На ее плече еще лежит его рука. И он впервые осознает, что жизнь – это больно, не жизнь вообще, а его жизнь. Это понимание приходит к нему, пока он смотрит в лицо Эстер».

Некоторые рассмотренные примеры сближают артикль в ударной позиции с фокусными частицами нидерландского языка, что позволяет нам назвать прагматическую функцию такого употребления артикля фокусной.

Литература

Павлова Л. П. Влияние артикля на значение имен собственных в нидерландском языке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. Т. 7. № 836. С. 156–167.

Талецкая Т. Н. Прагматизация функции артикля перед именами собственными в немецком языке. – 2017.

Gunkel L. Betontes "der" // Grammatische Untersuchungen, Analysen und Reflexionen - Tübingen: Narr, 2006. S. 79-96. (Studien zur Deutschen Sprache 36)

Якутское обозначение новорожденного ребенка на тюркском фоне¹¹

Федотова И. В.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»/ Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН/ Институт языкознания РАН

Тимофеева А. В.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

Самым распространенным обозначением ребенка в тюркских языках является лексема **bala* [СИГТЯ 2000:306-307], реже встречается **oɣlan* [СИГТЯ 2000: 314]. В якутском языке 'ребенок' обозначается лексемой *оҕо* с основным значением 'ребёнок, младенец, дитя'. Сочетания с этим словом различают детей по полу и возрасту: *кыыс оҕо* 'девочка, дочь', *уол оҕо* 'мальчик; юноша', *ньирэй оҕо* 'младенец', *кыһыл оҕо* 'новорожденный' [БТСЯЯ: 200]. Значение 'новорожденный' *кыһыл оҕо* складывается из компонентов 'красный' и 'ребенок'. В докладе мы рассмотрим якутское обозначение новорожденного ребенка аналогичные семантические переходы в языках мира и другие семантические модели в тюркских языках.

Источниками исследования послужили словари тюркских языков. Также проводилась работа с носителями якутского (Прокопьева Алена Кирилловна, Шамаева Анастасия Егоровна) и алтайского языков (Сарбашева Сурна Борисовна). Проводилась сопоставительная работа с найденными материалами, происхождение слов уточнялось по этимологическим словарям, обнаруженные семантические модели сопоставлялись с базами данных CLICS и datsemshift.ru.

Результаты. В тюркских языках выявлены три основные мотивационные модели, образующие значение 'новорожденный, младенец':

1. 'красный' + 'ребенок': як. *кыһыл оҕо*, киргиз. *кызыл бала (ымыркай)*, алт. *кызыл эт бала*. В некоторых языках в обозначении младенца присутствует значение 'красный', но второй компонент другой ('живот', 'сырой'): казах. *кызыл қарын*, алт. *кызыл чий*. По данным Каталога семантических переходов, обозначение ребенка словом с компонентом 'красный' имеет девять параллелей: в японском, китайском и языках Юго-Восточной Азии (тайском, лаосском, шанском, индонезийском, малайском, яванском, ветарском). В каталоге CLICS таких коллексификаций нет.

2. 'сырой' + 'ребенок': в алтайском *кызыл чий* 'красный' + 'сырой', в башкирском *сей бала* 'сырой' + 'ребенок'.

3. 'слеза' + 'ребенок': хакас. *час пала*, тофалар. *чеш*, алт. *јаш бала*, *су-јаш*, тат. *яшь бала* 'младенец'

Таким образом, в Северной Евразии семантический переход 'красный' > 'новорожденный' встречается только в некоторых тюркских языках, однако в других частях света она более распространена. Связь между значениями 'сырой' и 'слеза' по

¹¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 22-28-00072 «Стратегии номинации в области базовой зоо- и антропонимической лексики в языках Евразии».

отношению к младенцу будет рассмотрена подробнее. Также в докладе будут представлены карты распространения этих семантических моделей.

Литература

БТСЯЯ - Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдыта: в 15 т. Т. VII.: (Буквы Нь, О, Ө, П) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010.

СИГТЯ - Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. Отв. ред. Э.Р.Тенишев. М., “Наука”, 2001 г.

CLICS - Rzymiski, Christoph and Tresoldi, Tiago et al. 2019. The Database of Cross-Linguistic Colexifications, reproducible analysis of cross-linguistic polysemies

datsemshift - Каталог семантических переходов datsemshift.ru

Экспериментальное исследование эмоционального воздействия учебных текстов на учащихся

*Труцелёв Павел
РГПУ им. А. И. Герцена*

Цель работы — изучить эмоциогенность коммуникативных стратегий возбуждения интереса, которые используются в учебниках для средней школы:

- контекстуализация, т. е. диалогизация или описание ситуаций с потенциальным участием читателя [Shin et al. 2016];
- проблематизация, т. е. организация текста по принципу «постановка проблемы (проблемный вопрос) — решение проблемы» [Markey, Loewenstein 2014];
- детализация, т. е. расширение и уточнение референтной области текста [Hidi, Baird 1988].

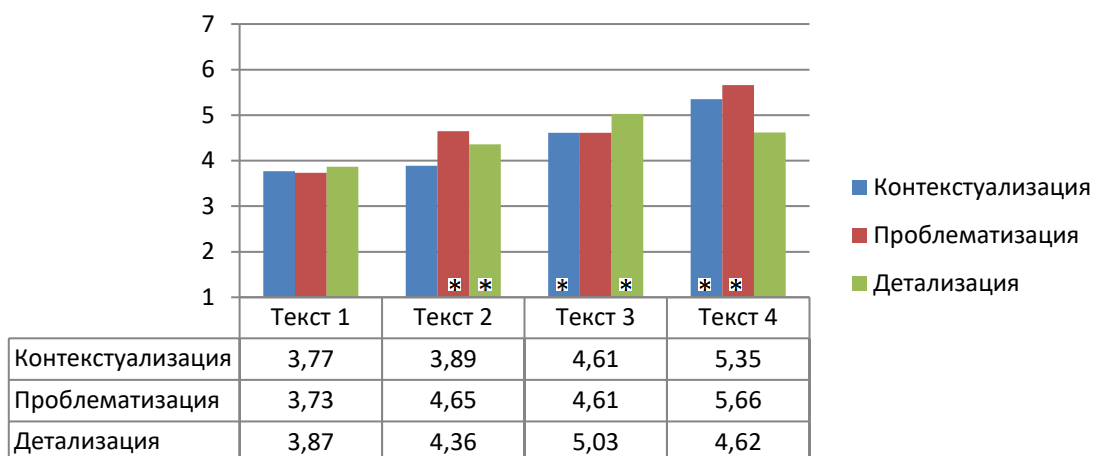
Для экспериментального исследования каждой стратегии на основе лингвистического анализа были выбраны четыре учебных текста по одному предмету (т. е. всего 12 текстов), которые различались количеством языковых приемов эмоционального воздействия. В таблице представлена краткая характеристика материала, а также количество испытуемых.

Таблица 1 — Материал исследования

	Контекстуализация	Проблематизация	Детализация
Материал	4 текста по обществознанию	4 текста по физике	4 текста по истории
Приемы			
Текст 1	без приемов		
Текст 2	1–2 приема		
Текст 3	2–4 приема		
Текст 4	> 4 приемов		
Испытуемые	127 восьмиклассников	124 восьмиклассников	135 восьмиклассников

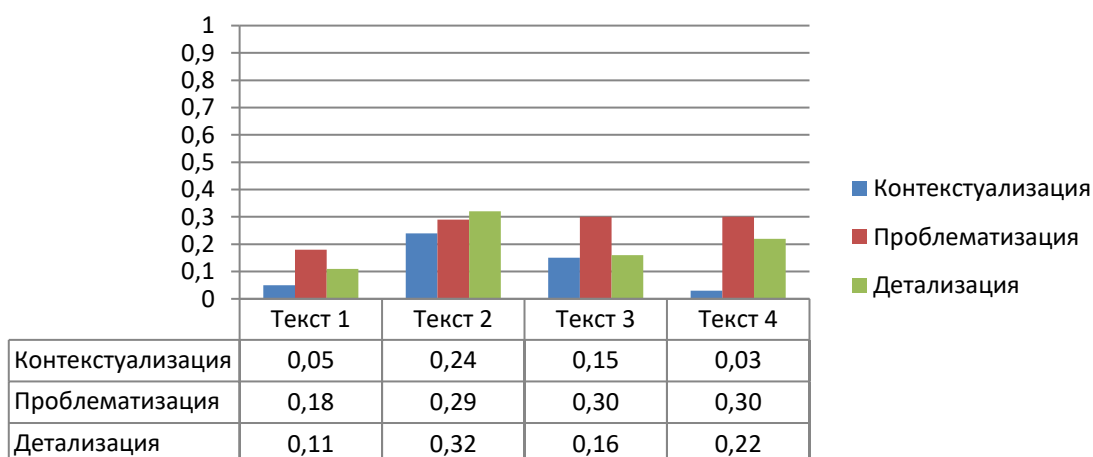
Каждый испытуемый получил четыре текста по определенному предмету с разным количеством приемов, реализующих одну стратегию. Перед чтением испытуемый оценивал уровень своего устойчивого интереса к предмету. После прочтения каждого текста испытуемый оценивал его с помощью семибалльных шкал по параметрам «неинтересный — интересный», «известный — новый», «легкий — сложный», «непонятный — понятный». Оценки устойчивого интереса, новизны, сложности и понятности учитывались, так как, по мнению психологов, они являются ведущими предикторами интереса [Silvia 2006: 82].

Рисунок 1. Средние величины оценок по параметру «неинтересный — интересный»

На рисунке 1 в виде гистограмм представлены средние величины распределений оценок по параметру «неинтересный — интересный». Для их сравнения использовался критерий Вилкоксона. Звездочками отмечены распределения, статистически значимо ($p < 0,05$) отличающиеся от распределений оценок предыдущего текста (текст 1 vs текст 2; текст 2 vs текст 3; текст 3 vs текст 4).

Для определения зависимости оценок по параметру «неинтересный — интересный» от оценок по параметрам-предикторам использовался линейный регрессионный анализ (метод «backward»). На рисунке 2 в виде гистограмм представлены величины коэффициента детерминации R^2 , свидетельствующие о том, что включенные в регрессионную модель предикторы не объясняют дисперсию зависимой переменной.

Рисунок 2. Коэффициент детерминации R^2 в регрессионных моделях

Результаты анализа доказали эмоциогенность всех стратегий и позитивное влияние квантитативного фактора (количества приемов). Кроме того, сделаны следующие выводы: 1) минимальные вкрапления приемов контекстуализации не повышают эмоциогенность; 2) эмоциогенность проблемного изложения зависит от «степени» проблематизации двух частей — проблемы и решения; 3) детализация повествования имеет определенный «предел» в повышении их эмоциогенности, что, вероятно, связано с трансформацией информационного текста в текст нарративный.

Литература

- Hidi S., Baird W. Strategies for Increasing Text-Based Interest and Students' Recall of Expository Texts // *Reading Research Quarterly*. 1988. Vol. 23. № 4. P. 465–483.
- Markey A., Loewenstein G. Curiosity // *International Handbook of Emotions in Education* / ed. by R. Pekrun, L. Linnenbrink-Garcia. N. Y.; London: Routledge, 2014. P. 228–245.
- Shin J., Y. Chang, Y. Kim Effects of Expository-Text Structures on Text-Based Interest, Comprehension, and Memory // *The SNU Journal of Education Research*. 2016. Vol. 25. № 2. P. 39–57.
- Silvia P. J. *Exploring the Psychology of Interest*. N. Y.: Oxford University Press, 2006. 264 p.

Контексты с СМР-квантификацией в Новом Завете¹²

Хомченкова И.А.
ИРЯ РАН / МГУ / ИЯЗ РАН

Работа посвящена описанию контекстов с СМР-квантификацией (в терминологии [Татевосов 2002]) в Новом Завете — обширном многоязычном параллельном корпусе (о таком подходе, см., например, [de Vries 2007]). Под СМР-квантификацией мы понимаем квантификацию не только исчисляемых единичных объектов ('весь дом'), но и «собираательных» существительных ('вся семья') и неисчисляемых сущностей ('вся вода').

Мы использовали древнегреческий (койне) оригинал, несколько переводов на распространенные языки (русский, английский, испанский), а также более поздние переводы на малые языки разной генетической принадлежности (горномарийский, удмуртский < ФИННО-УГОРСКИЕ, осетинский < ИРАНСКИЙ), см. список источников.

Мы отобрали 120 контекстов и распределили их на восемь групп, см. Таблицу 1. Насколько нам известно, в типологических работах (см., например, [Татевосов 2002; Keenan, Paperno (eds.) 2012]) контексты с СМР-квантификацией подробно не обсуждались.

Группа	Пример	Кол-во контекстов
одушевленное множественное	<i>все стадо</i>	50
одушевленное единичное	<i>весь человек</i>	1
неодушевленное множественное	<i>все имение</i>	2
неодушевленное единичное	<i>все тело</i>	8
пространственное	<i>весь город</i>	34
временное	<i>весь день</i>	3
неисчисляемое абстрактное	<i>вся сила</i>	21
неисчисляемое вещество	<i>вся кровь</i>	1

Таблица 1. Контексты с СМР-квантификацией в Новом Завете

¹² Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В.И. Абаева».

Некоторые наблюдения представлены в [Татевосов 2002: 124–126]: так, в венгерском языке универсальное кванторное слово (УКС) *összes*, которое сочетается с множеством индивидов ('друзья'), т.е. употребляется и вне контекстов с СМР-квантификацией, может использоваться при квантификации неисчисляемых объектов ('соль'), но не с единичными объектами ('дом'). Таким образом, база данных с различными контекстами СМР-квантификации позволит выявить закономерности в использовании УКС в языках мира.

В языках может существовать не только базовое УКС, используемое при квантификации и множественных, и единичных объектов (ср. рус. *все дети* и *весь пирог*); в некоторых контекстах употребляются специализированные СМР-маркеры (ср., рус. *целый пирог*). Мы покажем, что небазовые УКС в различных контекстах СМР-квантификации имеют разную частотность.

Отобранные контексты могут быть полезны для изучения маркирования при СМР-квантификации в языках, не вошедших в исходную выборку.

Литература

Татевосов С. Г. 2002. Семантика составляющих именной группы: кванторные слова. М.: ИМЛИ РАН.

Keenan E., Paperno D. (eds.). 2012. Handbook of quantifiers in natural language. Dordrecht, Heidelberg, London, NY: Springer.

de Vries L. 2007. Some remarks on the use of Bible translations as parallel texts in linguistic research // STUF – Language Typology and Universals. Vol. 60. № 2. P. 148–157.

Источники

1. Новый Завет на древнегреческом (Novum Testamentum Graece);
2. Новый Завет на русском (Синодальный перевод);
3. Новый Завет на английском (King James Bible);
4. Новый Завет на испанском (Reina-Valera 1960);
5. Новый Завет на горномарийском и удмуртском (finugorbib.com);
6. Новый Завет на осетинском (online-bibliya.ru/book/osetinskii-iron-vzag-32/).

Рассмотренные книги Нового Завета:

- Евангелие от Матфея, Евангелие от Марка, Евангелие от Луки, Евангелие от Иоанна;
- Деяния святых Апостолов;
- Откровение Иоанна Богослова.

Прагматическая аккомодация при восприятии конструкций с повторами

Шкаруба Дарья Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет

Доклад посвящен исследованию аккомодации выражений, которые подразумевают наличие общих фоновых знаний у участников общения, при фактическом отсутствии таковых [Lewis 1979: 340]. Так, в (1) выражение *моя машина* вызывает пресуппозицию 'у говорящего есть машина'; но даже если адресат не знал об этом заранее, он сможет принять эту информацию как данность и без затруднений интерпретировать высказывание.

(1) *Дико извиняюсь, моя машина никак не могла с утра завестись.*
[Kissine, Pantazi 2017: 2, перевод мой – ДШ].

Мы рассмотрим класс англоязычных тавтологий, устанавливающих тождество ('X is X'), которые традиционно считаются выражениями, отсылающими к общим фоновым знаниям [Miki 1996; Meibauer 2008], см. (2):

(2) *Говорящий А: Клетчатая спортивная кофта Питера не сочетается с его полосатыми брюками. Говорящий Б: Холостяки – это холостяки.* [Meibauer 2008: 451, перевод мой – ДШ].

Так, в примере (2) ответ представляется информативным и активирует у слушающего принадлежащий к общим фоновым знаниям собеседников стереотип о том, что холостяки не умеют одеваться должным образом [Там же]. Наше исследование ставит целью проверить, могут ли такие тавтологические конструкции быть информативными при отсутствии общих знаний у говорящего и адресата. Мы предлагаем следующую гипотезу: общие фоновые знания не являются обязательным условием для интерпретации тавтологий.

В рамках нашего эксперимента испытуемым предъявляются ситуации, где испытуемому предлагается отождествить себя с лицом, явно не обладающим предварительными знаниями. За репликой этого лица следуют комментарии более осведомленного собеседника, которые содержат тавтологии вида 'X is X'. Испытуемому предлагается ответить на вопрос об информативности этих комментариев.

Предварительные результаты эксперимента свидетельствуют о том, тавтологические конструкции, устанавливающие тождество, могут быть успешно интерпретированы адресатом даже при отсутствии общих фоновых знаний с говорящим, а также о том, что «неинформативные» конструкции могут выполнять эвфемистическую функцию при нежелании огорчить собеседника.

Литература

- Kissine, M. and Pantazi, M. (2020). Pragmatic Accommodation. In *The Wiley Blackwell Companion to Semantics* (eds D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann and T. Zimmermann). <https://doi.org/10.1002/9781118788516.sem140>
- Lewis, David K. (1979). Scorekeeping in a language game. *Journal of Philosophical Logic* 8, pp. 339–359.
- Meibauer, J. (2008). Tautology as presumptive meaning. *Pragmatics & Cognition*, 16(3), 439–470. <https://doi.org/10.1075/p&c.16.3.02mei>
- Miki, E. (1996). Evocation and tautologies. *Journal of Pragmatics* 25, pp. 635–648.

Теоретическая когнитивная модель референциального выбора в устных рассказах на русском языке

*Шумилина М. А.
отделение ТиПЛ, филологический факультет
МГУ им. М. В. Ломоносова*

Исследование, которое будет представлено в докладе, в качестве цели имеет теоретическое моделирование с возможностью прикладного применения. Эта цель включает три основные задачи:

- Подбор факторов, которые влияют на референциальный выбор;
- Ранжирование релевантных факторов;
- Получение математически обоснованной рабочей модели.

Материал, на котором создавалась модель, представляет собой рассказы из корпуса "Веселые истории из жизни" [эл. ресурс]. Все элементы выборки относятся к одному и тому же модусу, стилю и жанру, главный акцент делается на варьирование системно-языковых и локально-дискурсивных параметров. Среди основных параметров можно назвать грамматические и семантические роли анафоров и антецедентов, различные измерения дистанции (в том числе риторическое, деревья для рассказов созданы вручную), а также грамматико-семантические свойства референта. Источниками для набора параметров послужили работа А. А. Кибрика [Кибрик 1997], а также статьи Ф. Сейма и К. Ван Димтера [Same 2020] и [Loukachevitch 2011].

В статье [Loukachevitch 2011] встречается такой удобный термин, как "маркабула". Исходя из наблюдений за референциальным выбором в устных рассказах, предлагается следующее определение маркабулы: "упоминание некоего референта или когнитивного концепта, план выражения которого был выбран говорящим". Глагол "выбрать" играет здесь ключевую роль, поскольку у говорящего всегда есть возможность употребить полную ИГ, либо местоимение, либо нуль, в зависимости от множества факторов. Например, в выражении "а воз и ныне там" нельзя слово "воз" назвать маркабулой, потому что у говорящий не может выбрать вместо полной ИГ, например, местоимение: "а он и ныне там" не бывает синонимично данной фразе.

В данном исследовании понятие маркабулы имеет несколько важных дополнительных свойств:

- Местоимения коммуникантов не относятся к маркабулам;
- Для классификации принимается тройственное деление на полные ИГ, местоимения и нули;
- Синтаксические нули не относятся к маркабулам.

Основная методология исследования — когнитивный количественный подход, впервые описанный А. А. Кибриком в статьях [Kibrik 1996] и [Кибрик 1997]. Тем самым, у каждого значения каждого релевантного фактора присутствует числовой вес, а после факторного блока к каждой маркабуле применяется блок языковых фильтров. Среди методов также следует назвать статистическое моделирование — оно позволило, во-первых, отобрать из списка параметров релевантные факторы и, во-вторых, математически фундировать веса факторных значений. Статистический блок исследования проводился в программе *jamovi*.

Результат проведенного исследования — теоретическая модель референциального выбора в устных рассказах на русском языке. В своих нескольких вариантах она имеет от 9 до 16 факторов, прошедших двойную статистическую верификацию.

Литература

Кибрик А. А. Моделирование многофакторного процесса: выбор референциального средства в русском дискурсе // Вестник Московского университета, серия филология. 1997. Вып. 9. С.94-105.

Корпус "Весёлые истории из жизни" - Электронный ресурс. URL: spokencorpora.ru

Kibrik A. A. Anaphora in Russian Narrative Prose: a Cognitive Calculative Account // *Studies in Anaphora*, ed. B. Fox. 1996. John Benjamins Publishing Co. P.255-303.

Loukachevitch N. V., Dobrov G. B., Kibrik A. A., Khudyakova M., Linnik A. Factors of Referential Choice: Computational Modeling // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 25 - 29 мая 2011 г.). P.458-467.

Same F., van Deemter K. 2020. A Linguistic Perspective on Reference: Choosing a Feature Set for Generating Referring Expressions in Context. In *Proceedings of the 28th International Conference on Computational Linguistics*, pages 4575–4586, Barcelona, Spain (Online). International Committee on Computational Linguistics.

Конструкции исключения и добавления: к постановке проблемы

Яковченко Анастасия Александровна
соискатель, МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва)
Anastasia.Yakovchenko@gmail.com

Объектом исследования настоящей работы являются конструкции исключения и добавления. Значение исключения или добавления может передаваться в русском языке с помощью *кроме, помимо, если не считать/не считая*.

(1) а. *Пришли все мои коллеги, кроме <помимо...> Ивана.* {Иван входит в эту группу.} – ‘за исключением’

б. *Кроме <помимо...> Ивана, пришли все мои коллеги.* {Иван не входит в эту группу} – ‘в добавление’.

Несмотря на значительное количество работ на данную тему в последнее время [Инькова, Манзотти 2019], [Polinsky 2019], [Vostrikova 2019], остаются нерешёнными многие проблемы. Существующие работы, описывающие *кроме*, в значительной мере посвящены разведению значений *кроме* (см., напр., [Левин 1956], [Апресян 2004], [Оскольская 2011]). Однако в ряде работ отмечается, что два значения *кроме* выделяются ошибочно, и что на деле *кроме* имеет лишь одно значение (см., напр., [Богуславский 2008]). По мнению ряда авторов, значение исключения, которое представлено в семантике *кроме*, отсутствует у предлога *помимо* (см., напр., [Баранов, Добровольский 2009], [Инькова, Манзотти 2019]); тем самым, авторами не учитывается и не описывается второе значение предлога *помимо*. Однако данные НКРЯ показывают, что *помимо* хоть и редко, но всё-таки употребляется в конструкциях исключения.

Семантические и прагматические свойства анализируемых коннекторов определяют и прочие свойства, а именно синтаксические и коммуникативные. Так, для коннекторов¹³ добавления характерно употребление в препозиции к именной группе (ИГ), выражающей ассоциированное множество, что отмечается рядом исследователей [Левин 1956], [Апресян 2004]. При этом, если в работе [Левин 1956] сообщается, что коннекторы исключения употребляются только постпозитивно и начальная позиция для них нежелательна, то по справедливому замечанию [Апресян 2004], они не имеют ни линейных синтаксических, ни коммуникативных ограничений. Например:

(2) а. *Кроме <помимо> яблок [известное, тема], я ничего не купил.*

б. *Я ничего не купил, кроме <помимо> яблок [новое, рема].*

Следует отметить, что нам не встретилось ни одной работы, в которой была бы описана многозначность союза *кроме как*. В [Оскольская 2011], напротив, указывается, что *кроме как* употребляется только в конструкциях исключения, содержащих сему отрицания в главной части, а значение добавления у данного союза не усматривается. Однако, в НКРЯ и в сети интернет встречается достаточно много примеров, демонстрирующих употребление данного союза в конструкции добавления:

(3) *Где в Москве можно найти коллекционные монеты, кроме как в магазине Нумизмат на Таганке?* [yandex.ru]

---

¹³ Мы используем для обозначения данных выражений термин коннектор, отражающий их функцию, чтобы избежать в данном случае обсуждения сложного вопроса об их частеречном статусе.

Примечательно, что в примере (3) выделенный элемент занимает конечную позицию в предложении, что несвойственно для конструкций добавления.

В докладе будут подробно рассмотрены проблемы в описании конструкций исключения и добавления, в частности, их моносемичность и полисемичность, семантические и синтаксические свойства, а также вопросы корреляции между значением и синтаксической позицией его группы.

Литература

Апресян В.Ю. Кванторы со значением включения, исключения и добавления // Труды международной конференции «Диалог 2004». М., 2004. С. 13-20.

Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 21-34.

Богуславский А. Однозначное кроме // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 99-109.

Инькова О., Манзотти Э. Связность текста. Мереологические логико-семантические отношения. Издательский дом ЯСК. М., 2019. 376 с.

Левин В.Д. О значении предлога «кроме» в современном русском литературном языке // С. Г. Бархударов и др. (ред.). Сб. статей «Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию». М., 1956. С. 147-164.

Оскольская С.А. Функционирование конструкций со значением исключения участника в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра лингвистики. Санкт-Петербург. 2011. 121 с.

Polinsky M. The landscape of exceptives. Chicago Linguistics Colloquium. 8.03.2019.

Vostrikova E. Phrasal and Clausal Exceptive-Additive Constructions Crosslinguistically. Ph.D. Dissertation. UMass Amherst, 2019.

Сенсорная лексика: к проблеме описания семантического класса (на материале параллельного мультязычного корпуса)

Ярошенко Полина Владимировна
МГУ им. М. В. Ломоносова

В рамках сенсорной лингвистики изучается, каким образом человеческое восприятие находит отражение в языке [1]. К этой области можно отнести нашу работу.

Цель исследования — описание особого класса словосочетаний, включающих слова с **сенсорными семантическими компонентами** (семы, относящиеся к области перцепции; далее — ССК).

Исследование проводится на **материале** мультязычного параллельного корпуса, куда вошли: роман В. Набокова «Лолита» на англ. языке (1955), рус. пер. (1967) и фр. пер. — É. Н. Kahane (1959) и М. Couturier (2001). Выравнивание текстов выполнено через программу HunAlign [2]. Общий объём корпуса: 475 732 словоупотребления. В работе используются **методы** компонентного семантического анализа, кроме того, специфика материала (параллельные тексты) даёт возможность использовать метод сопоставительного анализа.

Рассматриваются три типа словосочетаний: синестетические (оба слова содержат ССК различной модальности, *сладкая мелодия*), моностетические (оба слова содержат ССК одной модальности, *сладкая горечь*) и идеастетические (одно из слов содержит ССК, *сладкая мечта*). Было выявлено 336 словосочетаний в англ. тексте, 312 в рус. пер., 299 и 294 в двух фр. пер. (1959 и 2001 соответственно).

Доклад посвящён одной из частных задач работы: семантической характеристике слов, содержащих ССК. Поскольку такие слова — основа для формирования перечисленных выше типов словосочетаний, необходимо задать рамки этому классу лексики. Проблема актуальна не только при исследовании как в нашем случае специфических словосочетаний (см., напр., [3] о семантике глаголов восприятия). Вопрос остаётся нерешённым как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях ([4], [5] и др.).

Было проанализировано 1443 словоупотребления лексики с ССК (389 англ., 372 рус. пер., 682 для двух фр. пер.). Было установлено, что для всех текстов наиболее частотными являются словоупотребления с ССК зрения (52 % от общего количества), наименее частотными — с ССК обоняния (3 %).

В докладе будут представлены классы сенсорной лексики, выявленной в исследуемом корпусе для англ., рус. и фр. языков. Выделенные категории не являются окончательными и могут быть дополнены при дальнейшем расширении материала. Будут рассмотрены также наиболее проблемные группы слов: аналоговые способы цветообозначения (*золотой, emerald*); слова, маркирующие невозможность восприятия (*слепой, sourd*); слова, принадлежность которых к сенсорной лексике не является очевидной (напр., названия музыкальных инструментов) и др.

Полученные результаты могут быть интерпретированы в рамках стилистического анализа данных текстов, а также их можно рассматривать в контексте сопоставительной семантики и корпусной традуктологии.

Литература

Winter B. *Sensory Linguistics Language, perception and metaphor*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019.

Varga D., Németh L., Halácsy P., Kornai A., Trón A., Nagy V. *Parallel Corpora for Medium Density Languages // Recent Advances in Natural Language Processing IV*. Nicolov N., Bontcheva K., Angelova G., Mitkov R. (ed.). Series: Current Issues in Linguistic Theory. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2007. P.247–258.

Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. М., 2004.

Strik Lievers F. S., Huang Ch. *A Lexicon of Perception for the Identification of Synaesthetic Metaphors in Corpora // Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'16)*. N. Calzolari (ed.). Portorož: European Language Resources Association Publ., 2016. P. 2270-2277.

Масевич А. Ц., Захаров В. П. Частотное поведение прилагательных цвета в русских поэтических текстах // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. Т. 17, No 1. С. 21–48.

Awareness of Philippine English: The Case of Undergraduate Students

Mohammad Nassef D. Ali
Mindanao State University – Main Campus

Although there is an increase in the number of studies on Philippine English (PE), there is very little research tackling Filipinos' awareness of PE. This study was done to help expand the limited research on PE awareness, fill the gaps in a few related studies, and test Filipinos' cognizance of their English variety. Specifically, this research investigated undergraduate students' awareness of the meanings, features, and uses of PE and its relationship with their age. This study employed a quantitative approach and used an online survey form to collect data. The form consisted of Likert items on PE which were rated by the respondents according to their

awareness of each statement. After surveying 216 respondents, it was found that the undergraduate students were slightly aware of the existence of a local English variety, i.e. PE. However, the data shows that the respondents were moderately conscious of the other meanings, features, and uses of PE. This suggests that the students were fairly aware of PE but have slight cognizance of its legitimacy as an English variety. A similar finding can be observed in the students' consciousness of PE features, where they showed moderate awareness of PE having its own accent, phonology, vocabulary, and grammar, but low average consciousness on the acceptability of PE lexicon and grammar. These findings reveal the respondents' lack of recognition of PE validity, a common issue in non-native English varieties. Spearman's correlation was used to determine the relationship between the students' age and their level of PE awareness. With a rho of -0.07, this study claims no significant correlation between the two variables and concludes that age is not a factor influencing PE awareness. Overall, this study reveals the fair awareness of Filipino undergraduate students towards PE and their low awareness of its legitimacy. Also, as shown in the results, the cognizance of a local English variety cannot be assumed among its speakers. Thus, language awareness should be considered as a factor in World Englishes studies.

Tunisian University Teachers' and Students' Use of Code Switching in Higher Education: An Observational Study

Aicha Rahal
Pazmany Peter Catholic University

The aim of the present study is to present the methodology for exploring code choice in the context of higher education focusing on the use of code switching. It also aims to figure out the functions of code switching. The study addresses these two research questions: To what extent and in what circumstances are Arabic, French and English used in Tunisian higher education contexts? What are the functions of code choice and code switching? To find answers to the research questions, this study uses two types of observations namely informal observation and formal observation. The informal observation took place in informal settings, namely university corridors and eateries and the formal observation was conducted in classrooms. The aim of the informal observation is to investigate the languages used by students in public places. The classroom observation was used again to investigate the languages used in English classes. The researcher attempted to develop two systematic observation sheets relying on Dörnyei's (2007) methods for recording events, namely the event sampling and Curdt-Christiansen's (2020) essential features of an observation. After presenting the observation sheets, the researcher will move to talk about the procedure of piloting. Due to the COVID situation, the researcher suggested piloting the observation charts by the use of recorded videos from Tunisian students' university life, videos on multilingual classrooms and online courses. The second part of the presentation is devoted to presenting the preliminary results, including examples of code switching and their functions. To identify the functions of code switching, the researcher relied on Gumperz and Berenz's (1993) 10 categories of code switching. The study may methodologically contribute to the literature of observation design and validation.

References

- Curdt-Christiansen, X. L. (2020). Observations and field notes: recording lived experiences. In J. McKinley and H. Rose (Eds.), *the Routledge Handbook of Research Methods in Applied Linguistics* (pp. 336-347). New York: Taylor and Francis.
- Dörnyei, Z. (2007). *Research methods in applied linguistics: Quantitative, qualitative, and mixed methodologies*. Oxford: Oxford University Press.

Gumperz, J., and Berenz, B. (1993). Transcribing conversational exchanges. In J. A. Edwards and M. D. Lampert (Eds.), *Talking Data: Transcription and Coding in Discourse Research* (pp. 91–121). Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum.

Post-modern Approaches to Language Policy: Bridging the Gap between Meso-level policy and Micro-level practice in Tunisian Higher Education

*Aicha Rahal
Andrea Reményi
Pazmany Peter Catholic University*

Language policies in Tunisia are not thought out; they evolve implicit. In this regard, agency plays the role of policy creation and implementation, on the basis of the principles of the post-modern approach to language policy. Johnson and Johnson (2015) argue that post-modern approaches highlight the role of agency in implementing language policies. Agency is defined as “the capability of persons to make choices and act on these choices” (Martin, 2004, p.136). It includes individual efforts, resources and contextual and structural factors (Biesta and Teddar, 2006). This presentation seeks to investigate the mismatch between meso-level policy and micro-level practice in the Tunisian higher education context with a particular focus on the status of English and explore how agency can play a role in the creation of local language policies that meet local demands and needs, from a post-modern perspective. Methodologically, the study relies on the results of a short interview conducted with Tunisian university teachers and students. The aims of this study are to present the structure of the interview schedule following Maykut and Morehouse’s (1994) steps, the validation process Prescott (2011) and data analysis method. Then, the discussion moves to report the different perceptions of language policy ‘influencers’, such as teachers, students, researchers and their agentive role in making changes and bridging the gap between meso-level policy and micro-level practice. The results show a call among university teachers and students for the promotion of the status of English and integrating it as a language of instruction. Therefore, there is a call for changing the language policy which is dominated by the typology of bilingualism, Arabic and French.

References

- Biesta, G. & Tedder, M. (2006). How is agency possible? Towards an ecological understanding of agency-as-achievement. Working Paper 5. Exeter: The Learning Lives Project.
- Johnson, D. & Johnson, E. (2015). Power and agency in language policy appropriation. *Language Policy*, 14(3), 221-243.
- Martin, J. (2004). Self-regulated learning, social cognitive theory, and agency, *Educational Psychologist*, 39(2), 135-145.
- Maykut, P., & Morehouse, R. (1994). *Beginning qualitative research: A philosophic and practical guide*. UK:Routledge Farmer.
- Prescott, F. (2011). Validating a long qualitative interview schedule. *WoPaLP*, vol. 5, p. 16-38.